

В тени

Автор:

Александр Аввакумов

В тени

Александр Леонидович Аввакумов

Произведение посвящено 80-ой годовщине трагической гибели 2-ой ударной армии в лесах и болотах Волхова. Кто виноват? Сталин? Маршалы и генералы? В основу сюжета произведения легли воспоминания отца, бывших солдат, мемуары командармов. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Александр Аввакумов

В тени

Письмо потомкам.

Меня убили в лесных топях под Любанью. Мы были в котле. Мы были второй ударной в сводках, но на самом деле были уже практически все мертвы. Я знал, что мне не выжить в этом аду. Шел отсчет последних часов моего земного бытия. Убили меня в бою скоротечном и последнем для многих моих товарищей. Немецкие гренадеры лавиной пошли на нас по полю, усиленные громыхающими и чадящими газолином танками. Огромная и плотная, колыхающаяся в мареве горячей травы, человеческих тел и горячего дыма догорающих танков, масса немецких пехотинцев неумолимо приближалась, зная о нашем катастрофическом положении. Нас просто закидали гранатами на расстоянии. Я успел увидеть, как масса рук взлетела почти одновременно над срезом

горизонта и в следующий момент в наших окопах-ячейках пошла волна тугих разрывов. Свою «колотушку» я прозевал. Разрыв огромной силы, стесненный в узком окопе, сделал свое ужасное дело...

Но мне повезло. Мне было позволено умереть так – в отличие от моих бойцов, в массе своей добиваемых выстрелами в упор и пронзенных штыками. Я стоял, навалившись грудью на бруствер, и сжимал коченеющими пальцами свой автомат. Осколки просто разорвали меня. Отброшенный в сторону взрывной волной, осев на песок в собственных произвольных испражнениях, я стеклянным, гаснущим взглядом смотрел на вывернутые перламутровые внутренности, испещренные мелкой сеточкой кровеносных сосудиков, выползающие из утробы и дрожащие на холоде легким туманом. Я не пытался их подбирать. Смерть казалась освобождением от того ада, в котором мы находились последние месяцы. Багровое кровавое нутро «дымилось». Видно было, что разорвало грудину и снесло часть легкого. Не получалось дышать. Свистело где-то в животе. Огромные кровавые пузыри громоздились друг на друга при каждом моем выдохе, нагромождая очередную пузырчатую пену.

Рот мой открылся, как у покойника; так я и сидел – с текущими слюнями и кровью вперемешку. Я ничего не слышал. Кровь из разорванных перепонки залила виски и продолжала струиться, словно содержимое моей черепной коробки взболтнули и дали ему возможность истечь. Я не знал, что у меня перебиты ноги, вырвана лопатка и лицо побито мелкой металлической крошкой. Правое глазное яблоко висело на тонком шнурке органики, а глазница чернела багрово-черным провалом.

Но все это я видел уже сверху, стоя на краю окопа. Я смотрел на себя, и мне было безразлично мое состояние. Я стоял, понурившись, и пустым взором вглядывался в себя, умирающего в обвалившемся окопе. Я же, со дна окопа, ворочал единственным глазом, пытаюсь увидеть себя там, наверху, но мне не хватало сил даже нацелить зрачок, и я так и смотрел испуганно на грудку собственных внутренностей, опрокинутую, словно таз с требухой, на мои галифе. А потом солдаты вермахта спокойно и обстоятельно прошли по окопам. Справа и слева от меня слышались отрывочные звонкие выстрелы – это добивали моих товарищей. Мой глаз чуть дернулся, это я среагировал меркнувшим сознанием на скрип песка у моих ног. Кто-то постоял возле них, гортанно проговорил что-то, засмеялся и пнул меня в старую, стоптанную подошву.

Красный огонек окурка почему-то оказался у меня на внутренностях. Он шипел, но я не чувствовал боли. Немец пошел дальше, оставив меня умирать и не обратив внимания на меня – другого, стоящего на краю окопа и смотрящего ему в стальной затылок.

А я стоял уже не один! Нас прибавлялось и прибавлялось! Масса солдат – в рваных, прожженных и бурых от грязи и крови гимнастерках, а то и голых по пояс – неудержимо росла! Мы стояли нескончаемыми шеренгами вдоль своих окопов, повторявших контуры уже не существующей линии обороны, теперь никому из нас не нужной и проклятой. Потому, что все это – в одночасье! – обрело страшный ненавистный гриф: «...пропал без вести»! Нас никто никогда больше не увидит и ни о чем не спросит. Нас не обнимут и не приласкают. Нас обольют грязью и втопчут в смрад, будут изгаляться над нашими близкими, морально убивая и доводя до иступления. Мы – молчаливые шеренги, едва колышущиеся на холоде от дуновений промозглого ветра, теперь на века, не чувствующие жара лета и озноба лютых зим. Стоим и смотрим немymi взорами исподлобья...

Я грустно смотрел на себя. Сначала пошел легкий снежок и припорошил мои конечности, дубовые и почерневшие, как заледенил мою зияющую пустотой глазницу и набил в нее снежных иголок и как потом заострил лицо и вычернил кожу; как в последующие дни снег полусасыпал меня, и из-под белого покрывала торчали лишь отдельные части тела.

А потом завьюжило, замело все вокруг! Затрещали морозы... И только мы, молчаливыми шеренгами повторяли исчезнувшие изломы траншей! Мираж из человеческих силуэтов на стылом ветру. Но, мы стояли! Стояли подле мест, возле которых приняли мученическую смерть. Мы стали ангелами! Мы стали призраками! Мы стали никем и ничем...

А потом пришла весна, а за ней лето. А, потом все покатилося, словно колесо вечности! Я уже давно не вижу себя. Я уже давно стою над пластом суглинка, поглотившего меня. Я истлел, и товарищи мои истлели; но мы, все так же, непоколебимо стоим теми же прерывистыми цепями. Мы не сместились ни на шаг, как и десятилетия назад в той страшной мясорубке. Мы ждем. Ждем одинокого грибника, понуро плетущегося по лесу, или веселой компании, захавшей на автомобиле в лесочек и шумно галдящей. Ждем одного или нескольких. Мы здесь! Ну, неужели вы не видите нас? Вот же мы!..

А вы, идущие сегодня и блуждающие в поисках крепкого подберезовика, так никогда и не догадаетесь, кто же это вас обдувает и шевелит волосы, опрокидывает кузовки с ягодой, нежно касается ваших рук, шарящих в траве...

Это они – наши отцы и деды, тянут к нам свои руки в надежде, что мы их потомки придем и отдадим им последние почести, оценим их ратный труд и ужасный конец!

***

Стоял июнь 1941 года. Колеса поезда медленно отсчитывали километры. У окна вагона стоял лейтенант и отрешенно смотрел на лесной пейзаж, что проплывал за стеклом окна.

– Николай, что же вы не идете завтракать? – позвала офицера молодая красивая женщина лет тридцати пяти.

– Николай, – повторила она, неторопливо раскладывая на столике вареную картошку и жареную курицу, – неужели вы думаете, что я одна могу это съесть? Помогите мне.

Он усмехнулся. Ему были приятны внимательность и настойчивость этой женщины. Казалось, ее задорная улыбка могла легко растопить не только сердце молодого офицера, но, наверное, и лед.

– Спасибо, Маргарита Николаевна. Вы меня просто раскормили за эти двое суток. Никогда я так много и вкусно не ел, но сегодня мне не хочется есть. Вы уж меня простите, Христа ради! – ответил лейтенант.

Женщина сделала обиженное лицо. Ее симпатичное личико стало таким смешным, что Николай невольно улыбнулся. Насколько он знал из ее рассказов о себе, Маргарита Николаевна была женой крупного военного начальника, который служил в Западном военном округе и занимался снабжением войск. Они ехали вместе от самой Москвы и за это время успели не только познакомиться, но и в какой-то степени подружиться.

Сам Смирнов Николай совсем недавно окончил военное пехотное училище, и был направлен для дальнейшего прохождения службы в один из гарнизонов, который дислоцировался в ста километрах от границы. Насколько он знал, часть размещалась в болотистых лесах Белоруссии и в настоящее время находилась на учениях в летних лагерях.

Он был чуть выше среднего роста, широк в плечах. Правильные черты его лица дополняли, верней, украшали большие голубые глаза, обрамленные густыми ресницами, которые всегда вызывали зависть у девушек. Заметив, что женщина нуждается в помощи, он взял в руки нож и легко разрезал курицу на две половины.

– Ох, у вас и силища, Николай, – восхищенно произнесла женщина, глядя на его руки, которые так легко и непринужденно разделялись с курицей. – Вам, наверное, и подкову разогнуть ничего не стоит?

– Ничего не могу сказать об этом, уважаемая Маргарита Николаевна. У вас просто прекрасный нож, вернее, сталь, из которой он изготовлен.

– Вы правы, нож действительно хорош. Его подарил мне муж после командировки в Германию. Вы знаете, муж всегда восторгался немцами – это нация, которая умеет делать хорошие, качественные вещи.

«Почему она сказала мне об этом? – подумал Николай. – Что это: попытка еще раз прощупать меня или просто женская болтливость? Жене крупного армейского руководителя нужно следить за своими высказываниями, ведь она не знает, кто я!»

– В Германии сейчас фашисты, – как бы, между прочим, ответил ей Смирнов. – Они подмяли Европу и сейчас находятся по ту сторону границы.

Маргарита Николаевна оторвала взгляд от стола и внимательно взглянула на него.

– Скажите, вы тоже считаете, что будет война? Мой муж почему-то не верит во все эти слухи. Если бы они были враждебно настроены против нас, то не стали бы заключать Пакт о ненападении. Разве я неправа?

Николай не ответил. Ему не хотелось дискуссировать на тему войны. В Москве, на вокзале, когда он ждал своего поезда, ему в руки случайно попала газета «Правда», где внимание привлекло небольшое сообщение об очередном аресте генералов:

"В период с 4 по 12 июня 1941 г. года, за деятельность, направленную на подрыв боеспособности Красной Армии, органами НКВД были арестованы: начальник Управления кадров ВВС генерал-майор В.П. Белов, генерал-майор авиации А.А. Левин, генерал-лейтенант авиации, начальник Главного управления авиационного снабжения П.А. Алексеев».

Эта небольшая заметка оставила у него в душе какой-то неприятный осадок. Буквально перед окончанием училища, где учился Смирнов, органами НКВД были арестованы начальник училища и его заместитель по строевой подготовке. Их обвинили в заговоре, но по училищу ходили упорные слухи, что их арест был связан с тем, что они в свое время служили вместе с маршалом Тухачевским. Все эти разговоры резко пресекались новым командованием училища!

Еще тогда, на вокзале, Николай, пытался понять, за что был арестован его бывший начальник, с сыном которого он учился, в доме которого он часто бывал. Ведь буквально за месяц до ареста, тот был награждён вторым орденом Боевого Красного Знамени, но не находил ответа! Вскоре после ареста из рядов училища был отчислен, а затем арестован и его друг Андрей. Тогда Смирнов обратился к начальнику Особого отдела училища, но тот от души посоветовал ему поскорее вычеркнуть их имена из памяти.

- Что с вами, Николай? - спросила Маргарита Николаевна, заметив, что он о чем-то задумался.

- Так, ничего... Пойду, покурю...

Смирнов вышел в тамбур и, достав из кармана папиросы, закурил.

***

Солнце висело в зените и нещадно палило лучами улицы Минска. Было жарко и душно. Асфальт буквально плавился под ногами прохожих, оставляя на серо-черной поверхности отпечатки сотен следов. Среди пестрой одежды прохожих, выходящих из здания вокзала, особо выделялась полевая форма военных. Военных было много: артиллеристы, танкисты, летчики, саперы. Смирнов посмотрел на большие вокзальные часы, они показывали начало десятого утра. Подхватив чемодан с личными вещами, он направился к выходу.

Зайдя в спасительную тень под аркой большого дома, Смирнов поставил на землю чемодан и закурил, достав из кармана галифе пачку «Беломора». Курить Николай начал совсем недавно, а потому стеснялся делать это на улице. Сняв с головы фуражку, он вытер вспотевший лоб. Еще до отъезда в Минск, он связался по телефону с начальником штаба дивизии, который пообещал прислать за ним машину. Загасив папиросу, он направился в ближайшую комендатуру, где объяснив ситуацию, попросил дежурного связаться с частью.

– Вот что, Смирнов, – произнес дежурный офицер, – машина за вами прибудет лишь к шести часам вечера. У вас еще много времени, и я советую вам погулять по городу. Сходите в парк, покушайте мороженое.

Поблагодарив его, Николай вышел из комендатуры. Солнце словно мстило людям, раскаляя стены домов и асфальт дорог.

«Может, действительно сходить в парк, – подумал Николай. – Только где этот парк? Да и тащиться туда по такой жаре, не слишком приятное занятие».

Он снова взглянул на часы, но стрелки словно прилипли к циферблату.

«Пройдусь немного: посмотрю город», – решил Смирнов и зашагал по улице.

– Товарищ лейтенант, предъявите документы, – остановил его офицер из комендантского патруля.

Николай, молча, достал документы и протянул их капитану.

– Смирнов Николай Иванович, – произнес капитан вслух и внимательно посмотрел на стоящего перед ним военного.

- Куда следуете, товарищ Смирнов?

- В документах все указано, товарищ капитан, - сухо ответил Смирнов.

Капитан снова взглянул на него.

- Вы правы, товарищ лейтенант, в документах все указано; но на вопрос старшего по званию командира нужно отвечать кратко и четко! Может, вас этому не научили в училище?

- Виноват, товарищ капитан! Направляюсь в расположение части, которая, как мне стало известно, находится в летних лагерях.

- Как же вы собираетесь туда добраться?

- На автомашине, которая должна меня ожидать в восемнадцать часов на железнодорожном вокзале.

Капитан, молча, возвратил документы и, козырнув, направился дальше.

- Извините, товарищ лейтенант. Вы не подскажете, где находится железнодорожный вокзал? - обратилась к Николаю проходящая мимо девушка.

Он взглянул на нее, моментально отметив про себя: темно-русые волосы, большие голубые глаза, и невольно улыбнулся:

- Подскажу. Я тоже иду на вокзал и готов вас проводить.

Щёки девушки вспыхнули. Она не ожидала подобного приглашения и сейчас, просто растерялась, не зная, что ответить.

- Девушка, давайте, я вам помогу, - продолжил Николай и взял из ее рук довольно тяжелый чемодан. - Как же вы с ним справлялись? Что в нем?

Вопросы военного окончательно смутили девушку. Она снова вспыхнула и тихо произнесла:

– Мои вещи. Я еду в Москву: поступать в медицинский институт. Вот мне матушка и наложила в чемодан продуктов на дорогу.

– Заботливая у вас мама. А я, представьте себе, не помню свою мать. Она умерла от тифа, когда я был совсем маленьким. Сначала меня воспитывала тетка, а после ее смерти я попал в детский дом, там и вырос.

Девушка снова взглянула на Николая и, стараясь побороть смущение, спросила:

– А вы в отпуск едете? Я смотрю, у вас тоже в руках чемодан?

– Нет, к месту службы. После училища меня направили сюда, в часть. А сегодня узнал, что часть в лагерях. Вот и направляюсь на вокзал, где меня будет ждать машина. Скажите, как вас зовут, а то неудобно как-то без имени.

– Корнилова Нина, – произнесла девушка и протянула Николаю свою маленькую ладошку.

– Смирнов Николай, – улыбаясь, представился он и, поставив чемоданы на землю, пожал ей руку.

Ее ладошка просто утонула в его большой и сильной руке. Ладонь Нины была слегка влажной и мягкой.

«Волнуется, – подумал он. – Красивая девушка, в такую, как она, грех не влюбиться».

За разговором они не заметили, как дошли до вокзала.

– Вот и пришли, – тихо произнес Николай. – У вас во сколько поезд?

Корнилова взглянула на часы, висевшие на стене вокзала.

– Через сорок минут....

Они остановились в тени здания и стали прощаться.

– Можно, Нина, я вам напишу? – спросил ее Смирнов. – Вы знаете, очень приятно, когда кто-то вам пишет, ждет...

– А куда вы мне напишете, если я не знаю, где остановлюсь в Москве?

– А я вам напишу на Главпочтамт, до востребования. Фамилию я вашу знаю. Вот так и напишу – Корниловой Нине.

Щеки девушки вновь налились румянцем.

– Напишите, я вам обязательно отвечу. Скажите только номер части.

Он назвал номер части, пожал ей руку и направился к ожидавшей его грузовой автомашине, подле которой стоял водитель и махал рукой. Забросив чемодан в кузов, он достал папиросу и закурил.

– Садитесь в кабину, товарищ лейтенант, – предложил ему водитель, – в кабине удобнее.

– Спасибо, я в кузове поеду.

Машина медленно тронулась. Николай попытался отыскать в людском потоке фигуру Нины, но она словно растворилась в этом человеческом море. Он улыбнулся и повалился на груды матрасов, которыми был заполнен кузов полуторки.

***

Николай лежал на матрасах и смотрел в яркое голубое небо. Солнце медленно скрывалось за верхушками деревьев. Дорога шла через лесной массив и если бы не легкий ветерок и не равномерное урчание автомобильного мотора, можно было бы подумать, что полуторка плывет среди зарослей берез и елей.

Лейтенант поднял голову над бортом грузовика, и в этот самый миг раздался выстрел. Пуля, сбив фуражку с головы Николая. Он машинально втянул голову в плечи. Вторая пуля прошла борт автомобиля и застряла в матрасе. Полуторка увеличила скорость и буквально вылетела из зоны обстрела. Проехав еще с

километр, автомобиль съехал с дороги и остановился под старой сухой березой.

- Как вы, товарищ лейтенант? - спросил водитель. - Не зацепило?

- Нет, пронесло. Что это было?

- Да националисты местные балуют, - спокойно ответил шофер. - На той неделе бойца из соседней части вот так застрелили!

- Неужели, их нельзя выследить и уничтожить? Странно это как-то.

- Не знаю, товарищ лейтенант, - коротко отрубил водитель. - Для этого существует НКВД, есть Особый отдел в дивизии. Пусть они и ловят их, а наше дело - баранку крутить!

Николай достал папиросы и закурил. Он мысленно представил гибель солдата, и ему стало как-то не по себе. Руки его предательски задрожали, а между лопаток пробежал холодок. Ему вдруг стало жалко бойца, нашедшего смерть в этом белорусском лесу. Смирнов поднял лежавшую в дальнем углу кузова фуражку и стал с интересом рассматривать в ней дырку. Пуля угодила прямо в красную звезду, которая была закреплена на околыше.

«Повезло тебе, парень, - подумал он. - Сантиметра на два пониже - и он бы тебя убил. Хорошо стреляет, наверное, охотник или снайпер».

- Поехали, - приказал он водителю и полез обратно в кузов полуторки.

- Товарищ лейтенант, может, сядете в кабину: не дай бог что случится!

- Если мне суждено погибнуть здесь, то какая разница, где это случится в кузове или в кабине? От судьбы не уйдешь!

Машина тронулась и снова затряслась по разбитой дороге. Минут через сорок они добрались до летних лагерей. На большой поляне среди соснового бора рядами стояли палатки.

- Командир полка у себя? - спросил Николай часового.

– Его нет. Все начальство утром уехало в Минск и еще не вернулось. В штабе лишь дежурный офицер, товарищ лейтенант.

Часовой козырнул Смирнову и указал на палатку, в которой размещался штаб полка. Николай подошел к палатке и остановился, явно разволновавшись. Наконец, одернув гимнастерку, он вошел внутрь.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – произнес Николай не вполне уверенным голосом. – Лейтенант Смирнов! Прибыл для прохождения службы!

Он протянул свои документы и стал ждать ответа. Майор внимательно ознакомился с бумагами и, отложив их в сторону, встал из-за стола.

– Майор Иволгин, – представился он и, сделав небольшую паузу, продолжил. – Иван Константинович. С прибытием в часть, товарищ Смирнов.

– Спасибо, товарищ майор.

– Не вовремя ты приехал, лейтенант. Командир полка, комиссар и начальник штаба сейчас находятся в Минске. Их на два дня собрал генерал – армии Павлов. Слышал о таком?

– Так точно, товарищ майор. Кто ж не знает Героя Советского Союза генерала Павлова?

Майор усмехнулся. Ему нравился этот молодой лейтенант.

– Вот что, Смирнов, пока отдыхай. Приедут командиры – они и решат, куда тебя направить. Сейчас найдешь заместителя командира полка по тылу, он тебя определит на это время. Он как раз у себя, третья палатка от леса. Думаю, не заблудишься...

В палатку вошел офицер, на малиновых петлицах которого была одна «шпала». Он с интересом посмотрел на новенького и произнес:

- Пополнение? Это хорошо; а вот мне все обещают, да обещают. Может, пока он поработает у меня, а там будет видно?

Майор внимательно посмотрел на Смирнова, затем перевел взгляд на сотрудника Особого отдела.

- Ну как, Смирнов, поможешь сотрудникам Особого отдела полка?

- Помогу, товарищ лейтенант госбезопасности.

- Значит, договорились, с этой минуты поступаешь в распоряжение лейтенанта Говорова. Желаю успехов, Смирнов.

- Спасибо, товарищ майор.

- Тогда поехали, - произнес Говоров и вышел из палатки.

Вслед за ним вышел и Смирнов.

- Слушай, лейтенант, меня зовут Геннадием Степановичем, - обратился к нему Говоров. - Это так, на всякий случай.

Он протянул Николаю руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

- Смирнов, а что у тебя с фуражкой? Опять этот снайпер! Повезло тебе: он стреляет хорошо, мог и убить...

Они сели в машину и, минуя часового, выехали за пределы лагеря.

***

Смирнов постучал в дверь кабинета Говорова и, не услышав ответа, толкнул ее. Кабинет был пуст. Стол чекиста был абсолютно чист: ни папок, ни единого листочка. Еще обучаясь в военном училище, Николай хорошо усвоил одну прописную истину - стол руководителя всегда должен быть чистым! Поработал с

документом, убери его в сейф или сдай обратно в канцелярию!

«Интересно, где Говоров, – подумал Николай. – С минуту назад приказал зайти к нему, а сам куда-то вышел».

– Не стой в дверях, Смирнов, – услышал он за спиной голос Геннадия Степановича.

Говоров был всего лет на пять постарше Николая, но, судя по уверенности, которая чувствовалась в каждом его движении, ощущал себя на этой должности вполне нормально.

– Присаживайся, Смирнов, – предложил чекист и, пройдя к окну, плотно затворил форточку.

Николай осторожно опустился на крепко сколоченный табурет. Прежде чем начать разговор, Говоров внимательно взглянул на своего временного помощника. Несмотря на непродолжительное знакомство, ему нравился этот молодой симпатичный лейтенант.

– Вот что, Николай. Сегодня утром я был в городе, где встретился со своим человеком. По его словам, этой ночью немцы должны выбросить на парашютах группу диверсантов. Сколько их будет – неизвестно. Думаю, нам следует опередить местных националистов, встретить этих неожиданных гостей и по возможности задержать, а в худшем случае – уничтожить. Как ты считаешь, мы сможем это сделать вдвоем или мне звонить в Округ?

Смирнов задумался. Он еще никогда не принимал участие в подобных мероприятиях и сейчас не спешил с ответом, боясь вызвать у Говорова улыбку.

– Геннадий Степанович, я думаю, мы сможем обойтись своими силами. Главное в этом деле – неожиданность, а для этого нужно организовать засаду. Думаю, что отделение бойцов в состоянии решить эту проблему.

– Что ж, другого ответа я от тебя не ожидал. Выдвигаемся в двадцать два часа; а сейчас иди в комендантскую роту: отбери красноармейцев; получите оружие и боеприпасы. О готовности доложить через три часа.

Смирнов взглянул на перекидной настольный календарь, который стоял на столе Говорова. Тот перехватил взгляд Николая.

- Сегодня у нас пятница, двадцатое июня 1941 года

- У меня в этот день семнадцать лет назад умерла мама.

- Понимаю, Смирнов. Но служба есть служба! Иди, готовь группу.

Смирнов вышел из кабинета и, не спеша, направился в казарму, в которой размещалась комендантская рота.

***

Корнилова Нина сидела за столом в небольшой комнатке общежития и читала учебник по биологии. Она буквально выучила его наизусть и считала, что обязательно сдаст экзамен и ей не придется возвращаться в Минск. Дверь комнаты широко распахнулась, и в помещение впорхнули две молоденькие девушки в светлых летних платьях.

- Нинка, что ты застыла над учебником? Сколько можно так сидеть? Пошли на танцы! Толик говорил, сегодня придут его товарищи по военному училищу.

- Не знаю, девчата... Скоро экзамены, нужно готовиться!

- Да брось ты, Нина. До экзаменов целых десять дней, еще успеешь подготовиться. Ты и так все знаешь, не то, что мы!

Через два часа девчонки были уже в парке имени Горького. Жара спала, и парк просто благоухал цветами. Подруги шли по аллее, громко разговаривая и смеясь. Молодые ребята провожали их восхищенными взглядами и пытались познакомиться, но девушки отделялись шутками.

- А вон и наши защитники, - произнесла Полина, девушка с черными как смоль волосами.

Ее большие глаза, словно жгучие угольки, сверкали из густых длинных ресниц.

– А Толик-то, Толик так и пожирает тебя глазами, Полина.

Девушки засмеялись и подошли к ожидавшим их курсантам.

– Здравствуйте, мальчики, – поздоровалась Полина. – Кого ждем?

– Вас, девушки, и ждем, – ответил Толик. – Давайте, знакомиться. Это мои друзья: Владимир и Григорий.

– А это мои подруги: Нина и Галина. Правда, красивые девушки?

Ее вопрос смутил курсантов. Владимир сразу покраснел, а Григорий отвернулся в сторону.

– Тогда пойдете на танцплощадку, – предложила Полина. – Люблю танцевать...

Все направилась к танцплощадке. Рядом с Ниной шел Владимир. Он попытался взять ее под локоть, но она отстранила его руку.

– Володя, не нужно этого делать. У меня есть жених, который остался в Минске. Он тоже военный. Я дала ему слово, что не буду ни с кем знакомиться!

– Что вы, Нина. Я просто так, – произнес он, краснея, как девушка.

– Вот и хорошо, Володя. Так будет честнее...

Она в какой-то момент поняла, что придумала все это прямо на ходу, что никому и ничего никогда не обещала, но нужно было держать марку! В этот миг она вспомнила про лейтенанта Смирнова, с которым познакомилась перед отъездом в Москву.

«Интересно, написал он мне письмо или нет? – подумала девушка. – Завтра непременно зайду на почту и поинтересуюсь. Впрочем, о чем это я, ведь завтра у нас воскресенье».

Она посмотрела на Владимира и неожиданно для него попросила его пригласить ее на танец. Они закружились в вальсе, и Нина в очередной раз почему-то представила, что танцует не с Владимиром, а с Николаем, который придерживая правой рукой за талию, уверенно вел ее в танце.

«Почему я все время думаю о нем? – подумала Нина. – Ведь мы с ним едва знакомы. Я даже не знаю, женат он или нет».

Музыка стихла. Владимир довел ее до скамеечки и присел рядом с ней.

– Нина, вы мне очень нравитесь. Жалко, что у вас есть жених, – произнес он и снова покраснел. – Вы, красивая девушка, и я, танцуя с вами, невольно позавидовал ему.

Нина промолчала. В этот момент она не знала, что ответить этому парню, одетому в форму курсанта. Сказать, что она пошутила, ей не хотелось, но и больше врать ей тоже было трудно.

– Володя, а разве нельзя просто дружить: уважать друг друга, помогать?

– Можно, – тихо отозвался он.

– Вот и давайте просто дружить.

Оркестр заиграл вальс «На сопках Манчжурии», и Владимир снова пригласил ее на танец.

***

Ночь не принесла ожидаемой прохлады, было по-прежнему жарко и душно. Смирнов лежал в высокой траве, прислушиваясь к лесному шуму. Рядом с ним, метрах в десяти от него, лежал Говоров. Хутор, о котором говорил ему чекист, находился рядом с ними. В свете полной луны отчетливо были видны дом и дорога, идущая от леса. В звенящей тишине ночи было слышно, как иногда, почувствовав кого-то, во дворе дома громко лаяла собака.

– Товарищ Говоров, вы слышите? – шепотом спросил Смирнов. – Как будто, движется телега.

Откуда-то из темноты доносилось позвякивание сбруи.

– Без моей команды не стрелять! – предупредил Геннадий Степанович.

Это приказание моментально пролетело по цепочке лежавших в траве бойцов. Скрип колес телеги то пропадал, то снова усиливался, и сейчас уже все понимали, что по дороге движется подвода, нагруженная чем-то тяжелым. Напряжение достигло апогея, когда из темноты леса показалась повозка, около которой шли четверо мужчин вооруженных винтовками.

– Нужно успеть выложить костры к четырем утра, – произнес один из них, одетый в пыльник. – Будем ждать груз.

– Разве, это проблема, Клим? – ответил тот, что был повыше остальных, и поправил ремень винтовки. – Прохор, наверняка, уже заготовил для этого хворост.

– Посмотрим. Он еще неделю назад жаловался на здоровье. Поэтому нужно успеть сделать все, что нам приказали.

Группа прошла метров сто и укрылась в тени придорожных кустов.

– Сходи, посмотри, что в доме, – раздался из темноты голос Клима.

– Почему я? – встревожено произнес кто-то из мужчин.

– Потому, что это не просьба, а приказ, – в голосе Клима ясно звучали металлические нотки. – Мне что, повторять дважды?

К дому метнулась тень, которая быстро растворилась в темноте. Прошло минут двадцать, прежде чем послышался крик филина. Как ни странно, собака, охранявшая дом, ни разу не тьякнула.

«Видимо, собака признала в нем своего», – подумал Смирнов.

От кустов отделилась телега и двинулась в сторону мазанки. Группа мужчин подошла к дому и стала быстро разгружать подводу. Из дома вышел хозяин в белом нижнем белье.

– Все готово? – спросил его Клим и поправил капюшон своего пыльника.

– Да, я все приготовил, как вы велели, – ответил хозяин дома.

– Тогда показывай, где это.

Мужчина скрылся в избе и вскоре вышел уже одетый, с винтовкой за спиной.

– Я готов, – произнес хозяин. – Пошли.

Все двинулись в сторону большой поляны неподалеку от хутора. Раньше ее использовали под посевы картофеля, но после того, как область вошла в состав СССР, потребность в выращивании картофеля для продажи отпала, и сейчас, поле заросло чертополохом и бурьяном.

– Вон там валежник, – пояснил мужчина, указав рукой на кромку леса.

Все направились к лесу. В этот момент Говоров дал команду и группа красноармейцев, используя темноту, двинулась за националистами.

– Раскладывайте вон там, там и там, – приказал Клим. – Времени почти нет! Что возитесь, словно беременные?!

Разложив сушняк в три кучи, мужики присели у небольшой копны сена. Вскоре на западе раздался шум авиационного мотора, который нарастал с каждой минутой.

– Летит, поджигай! – раздалась команда Клима.

Мужики вскочили и бросились к валежнику. Через пару минут на поляне вспыхнули три костра, выложенных в одну линию. Вскоре, над головами притаившихся красноармейцев закружил самолет.

- Товарищ Говоров, - толкнул его в бок Смирнов, - что будем делать?

- Ждать, лейтенант. Удача приходит к тому, кто умеет ждать.

В черном небе, словно куски ваты, покачиваясь из стороны в сторону, медленно опускались белые купола двух парашютов.

***

Парашютист быстро «загасил» купол своего парашюта и снял его. Затем сложил руки домиком и трижды прокричал филином. Его тут же окружили националисты.

- С прибытием, - поздоровался Клима.

- Здравствуй. Нужно срочно найти грузовой парашют. Там оружие и взрывчатка.

Националисты бросились в сторону леса, оставив парашютиста и Клима одних.

- Как там за кордоном? Долго еще ждать?

- Там все нормально! - заверил парашютист, стаскивая комбинезон.

Стянув его, он расправил на себе форму офицера Красной Армии.

- Ну, как, похож? - коротко спросил он Клима.

- Внешне да. Если у вас все так же хорошо с документами, думаю, вопросов не будет.

Где-то в тишине раздались приглушенные голоса. Вскоре из глубины леса показались три мужские фигуры, тащившие парашют и тяжелый вещевой мешок. Они забросили мешок в телегу и в ожидании очередного приказанья, посмотрели на Клима. Неожиданно парашютист вытащил из кобуры пистолет и

уоставился на кусты, за которыми скрывались красноармейцы.

- Ты больше никого с собой не привел? - спросил он Клима.

- Господь с вами, кого я мог привести?!

Николай взглянул на часы и посмотрел на Говорова. Но тот молчал, и это молчание было столь тягостным, что Смирнов готов был вскочить на ноги и бежать в сторону диверсантов, не дожидаясь приказа.

- Что-то случилось? - спросил парашютиста Клим. - Ты весь напрягся.

- Там кто-то в кустах, - ответил диверсант.

Николай понял, что засада обнаружена. Он передернул затвор пистолета.

- Сдавайтесь, вы окружены! - выкрикнул Говоров. - Соппротивление бесполезно!

Утреннюю тишину леса разорвала автоматная очередь, затем другая. Мужчина, направлявшийся в их сторону, взмахнул руками и повалился на землю, пропахшую разноцветьем трав. Бандиты открыли беспорядочный огонь по кустам. Рядом с Николаем зарокотал ручной пулемет, прижавший бандитов к земле.

С каждой минутой на поляне становилось все светлей и светлей. Под прикрытием огня националистов, парашютист начал медленно отползать в сторону хутора. Огонь пулемета отсек его от дома. В какой-то момент стрельба стихла. Каждая из сторон ждала, что предпримет противник.

- Сдавайтесь, вы окружены! Соппротивление бесполезно! - снова закричал Говоров.

Диверсант и бандиты молчали. Они хорошо понимали, что пройдет еще полчаса и станет совсем светло. И это было равносильно смерти, ведь они находились на открытом пространстве, простреливаемом со всех сторон.

- Сдавайтесь! - громко выкрикнул Смирнов.

В ответ прозвучала автоматная очередь. Пули впились в ствол вековой сосны, за которой укрылся Николай, так, что несколько крупных щепок отлетели в сторону.

– Вавилов, возьмите трех бойцов и обойдите их слева! – приказал сержанту Говоров.

Укрывшись за кустами, бойцы начали обходить диверсантов с фланга. Время шло, а диверсанты молчали. Николай терялся в догадках, с чем это было связано и кто кого обходит по флангам. Он посмотрел на часы: оказывается, прошло чуть больше пяти минут, а ему они показались вечностью! Наконец с фланга по диверсантам снова ударил пулемет...

– Не стреляйте, – слышался голос Клима. – Мы сдаемся!

– Бросайте оружие и медленно поднимайтесь!

С земли поднялись трое и подняли вверх руки.

– Отделение, взять всех на прицел! – приказал Говоров и направился в сторону диверсантов.

– Вавилов, соберите оружие! – скомандовал сержанту Смирнов.

Погрузив в подводу убитых бандитов и оружие, бойцы направились в сторону леса, где их ожидала полуторка.

***

Подвода медленно ползла по дороге.

– Лейтенант, – обратился к Николаю парашютист. – Я хочу поговорить с твоим начальником.

– Доставим вас в часть, там и поговорите.

– Смирнов! Ты это о чем шепчешься с диверсантом? – спросил Николая Говоров. – Ты знаешь, что вести разговоры с арестованными запрещено!

– Не знаю, Геннадий Степанович, я в конвойных войсках не служил! Он с вами хочет поговорить....

Говоров подошел к диверсанту.

– Так о чем вы хотели со мной говорить?

Тот бросил взгляд на Смирнова, как бы прося его отойти в сторону.

– Я офицер немецкой армии Ханс Хозер. Я лейтенант, служу в Абвере.

– И что?

– Я военнопленный, а не диверсант. Вы должны относиться ко мне иначе, чем к ним!

– Если это так, то почему вы оказались на нашей территории, ведь мы не воюем друг с другом? А, как же Пакт о ненападении?!

Диверсант засмеялся, посмотрев на Говорова, как педагог на школьника.

– Похоже, вы никогда не служили в разведке и не представляете, для чего подписываются подобные документы. Для победы многого не нужно, главное, чтобы враг поверил, что ты ему друг!

Говоров усмехнулся. Он начинал службу, как контрразведчик, и хорошо понимал, для кого и зачем был подписан этот межправительственный договор.

– На эту тему мы с вами поговорим в другом месте, – ответил Говоров...

Смирнов сидел в палатке и подшивал свежий подворотничок к гимнастерке.

– Давай, заканчивай! – поторопил его заглянувший в палатку Говоров. – Нас с тобой командир полка вызывает!

Николай перекусил зубами нитку и быстро натянул на себя гимнастерку. Надев ремень, он направился вслед за Геннадием Степановичем. Командир полка подполковник Истомин сидел за столом и с кем-то разговаривал по телефону. На большом столе, покрытом зеленым сукном, лежала развернутая карта. Лицо подполковника было сосредоточенным, похоже, он разговаривал с кем-то из больших начальников. Бросив взгляд на вошедших командиров, он, молча, указал им рукой на стулья. Наконец он закончил говорить и положил трубку на рычаг телефона.

– Штаб дивизии, – словно оправдываясь перед ними, произнес Истомин. – Я только что передал им показания задержанного вами диверсанта. Не буду лукавить, в штабе очень озабочены складывающейся оперативной обстановкой. Несколько часов назад, пограничники задержали немецкого перебежчика, который утверждает, что немцы завтра утром начнут наступление.

Он замолчал и внимательно посмотрел на Говорова.

– А что, если это провокация? – не согласился чекист. – Не могут же они напасть на нас без объявления войны! Завтра – воскресенье, значит, если и начнут, то в любой другой день. Воскресенье и у немцев, воскресенье!

– Вот и я так подумал. Директивы из Москвы нет, а инициатива сейчас наказуема. Отдашь приказ и уедешь надолго валить лес в Магадане!

– Правильно рассуждаете, товарищ подполковник. Коли нет приказа, так и не нужно дергаться!

Командир полка перевел взгляд с Говорова на Смирнова.

– Как новенький?

– Хороший командир, – ответил Говоров. – Оставьте его у меня, товарищ подполковник, мне нужны люди!

- Ничем помочь не могу! У меня свои планы на этого лейтенанта.

Он посмотрел на Николая. Тот поднялся и вытянулся по стойке смирно.

- Готов служить там, где прикажите, - голос Николая дрогнул от напряжения.

- Примете роту старшего лейтенанта Гацука. Он в понедельник уезжает в Москву. А, сейчас, отдыхайте, вы свободны.

- Есть принять роту, - счастливым голосом ответил Смирнов.

Николай вышел из кабинета подполковника и направился к палаткам.

***

Смирнов проснулся от нарастающего гула, который доносился с запада. Звук был таким мощным, что на столе завибрировала кружка. Николай вылез из палатки и невольно посмотрел на небо, в котором волна за волной летели немецкие бомбардировщики в сопровождении юрких истребителей. Где-то на востоке загрохотало; Смирнов не сразу понял, что это рвались бомбы.

Кто-то ударил в кусок металлического рельса, висевшего у столовой.

- Тревога! Тревога! В ружье!

Но было уже поздно. Немецкие самолеты, выстроившись в боевой порядок, устремились на военный городок. Взрывная волна, отбросила Николая в сторону. Он упал и потерял сознание. Очнулся он, оттого что кто-то тряс его за плечи.

- Товарищ лейтенант! Поднимайтесь! - услышал он голос Вавилова.

Голос сержанта был неузнаваемо глухим и доносился как бы из-под земли. Николай пошевелил руками, затем ногами и лишь после этого поднялся с земли. Метрах в тридцати от него догорала палатка командира полка, возле которой зияла большая глубокая воронка...

– Вавилов, собери всех, кто остался в живых. Не могли же все погибнуть!

Сержант козырнул и побежал в сторону клуба. Смирнов с трудом, шатаясь, словно пьяный, направился к уцелевшей палатке. Спавший на койке напротив старший лейтенант Гацук, был мертв. Осколок авиабомбы снес ему половину черепа. Николай натянул на себя гимнастерку, проверил в карманах документы и, прихватив с собой полевую сумку убитого ротного командира, вышел из палатки.

Перед палаткой стояли красноармейцы, их было около сотни.

– Вавилов, а где командиры? Не могли же они все погибнуть от налета?!

– Товарищ лейтенант, многие из них вчера уехали в город. Два командира ранены. Остальные убиты!

– Выходит, я остался один! Раз так, стройся! – скомандовал Смирнов.

Через минуту бойцы построились на изрытом воронками плацу.

– Вскрыть склад с оружием и боеприпасами! – приказал Николай. – Бойцам получить оружие!

– Извините, товарищ лейтенант, но я не могу вскрыть склад без приказа командира полка, – запротестовал командир хозяйственного взвода.

Смирнов смерил его взглядом и, указав рукой на догорающую палатку, предложил старшему сержанту спросить разрешение у убитого командира.

– Что же вы стоите? – усмехнулся он. – Или вы немедленно откроете склад, или я вынужден буду арестовать вас и расстрелять на месте!

Через несколько минут лагерь опустел. Идти по дороге было опасно, немецкие самолеты атаковали все, что по ней двигалось на восток. Они прошли километра четыре, пока не встретили роту красноармейцев, рывших окопы по бокам от дороги.

– Лейтенант, это ваши люди? – обратился к нему капитан с черными петлицами на гимнастерке.

– Так точно, товарищ капитан. Следую в распоряжение полка.

– Какого полка? Ты что еще не понял, лейтенант? Началась война! Война! Я командир саперного батальона, вернее, того, что от него осталось. Мне приказали организовать здесь оборону, не пропустить немцев в Минск. Это сейчас самое главное, задержать их, не дать им развить успех. Ты хоть это понимаешь?!

– Не знаю, товарищ капитан. Я должен прибыть в полк и там получить приказ.

– Да я тебя сейчас прямо здесь расстреляю за невыполнение приказа старшего начальника! Ты меня понял, лейтенант?! Раз понял, доложи, кто и откуда.

– Остатки второго батальона 613 стрелкового полка. Остальные остались в лагере.

– Немцы в тридцати километрах. Думаю, часа через три они будут здесь!

– Понятно, – ответил Смирнов.

– Вавилов! – окликнул он сержанта. – Занять оборону!

Бойцы начали быстро рыть окопы и организовывать огневые точки.

***

Над головами красноармейцев, почти касаясь верхушек деревьев, пронеслись два «Юнкерса». Самолеты стремительно набрали высоту и, зайдя со стороны солнца, понеслись к земле. Бомбы упали в стороне от позиций, занимаемых бойцами Смирнова. Сделав еще один заход, самолеты улетели.

– Кажется, пронесло, – услышал Николай голос у себя за спиной...

Позади него стоял Вавилов и по-детски улыбался, сверкая жемчужными зубами.

- Почему не в окопе? – строго спросил его командир.

- Да от кого прятаться-то? Дорога пуста, никого нет, товарищ лейтенант.

Смирнов хотел что-то сказать в ответ, но со стороны дороги послышался звук моторов.

- Что это?

- Немцы, Вавилов, немцы, – произнес Николай и прыгнул в воронку.

Вавилов быстро побежал на фланг обороны и сходу упал в выкопанный им окоп. На дороге показались немецкие мотоциклисты, их было около двух десятков. Словно предчувствуя засаду, гитлеровцы остановились на дороге. Наконец последовала команда, и мотоциклисты двинулись дальше. В небо взлетела красная ракета, и в тот же миг по гитлеровцам ударил шквал огня, опрокидывая все на своем пути. Это была ошибка, часть мотоциклистов сумела развернуться, и устремилась обратно, оставив на дороге лишь несколько уничтоженных мотоциклов, да с десятков убитых и раненных солдат. Стрельба прекратилась; только крики раненых немецких солдат раздавались на дороге...

В воздухе послышался вой падающих на позиции русских мин. Взрывы вырывали из земли молодые березки, осколки секли кустарник, засыпая землей бойцов, находившихся в окопах. Обстрел продолжался минут двадцать, а затем на дороге показалось несколько бронетранспортеров и легких танков. Они развернулись и направились в сторону позиций красноармейцев. Когда между танками и окопами осталось метров пятьдесят, из ближайшего от Смирнова окопа выскочил боец и бросился бежать. Он успел пробежать метров десять, прежде чем очередь немецкого пулеметчика срезала его. Вслед за ним из окопов стали выскакивать отдельные бойцы. Бросая винтовки, они устремились к ближайшим кустам.

Николай метнулся в пустующий окоп и, прижав к плечу приклад ручного пулемета, открыл огонь по немецким пехотинцам, выскакивающим из кузовов бронетранспортеров. Заметив это, один из легких танков направился к нему. Смирнов нащупал рукой связку гранат и положил ее рядом с собой. Из соседнего

окопа выбрался боец и короткими перебежками устремился в сторону танка. То ли танкисты не заметили его, то ли он оказался в «мертвой зоне» пулеметчика, но бойцу удалось приблизиться к танку метров на пятнадцать. Он размахнулся и швырнул в танк противотанковую гранату. Раздался сильный взрыв, накрывший и бойца. Он упал в траву и попытался отползти в сторону, но гусеницы другого танка буквально вдавили его в землю.

Смирнов швырнул связку гранат и упал на дно окопа. Он ощутил всем телом, как содрогнулась почва. На голову посыпались комья земли. Николай выглянул из окопа. В метрах в десяти от него, пылал подорванный им танк. Остальные танки повернули обратно, выплевывая из себя черные клубы выхлопных газов.

– Живые, товарищ лейтенант? – улыбаясь, спросил его скатившийся в окоп Вавилов. – Здорово вы его гранатой!

– Жив, сержант, – ответил Николай. – Как остальные?

– Капитан погиб, часть разбежалась. Может, и нам сниматься?

– Без приказа нельзя, сержант! Будем держаться до последнего патрона! Подсчитай, сколько нас осталось в живых...

Больше немцы в тот день не атаковали. Утром стало известно, что они обошли стороной этот участок дороги, оставив сопротивляющихся бойцов у себя в тылу.

***

Дорога, по которой двигалась группа, была изрыта воронками от бомб. Сильно пахло кровью и горелым мясом. То тут, то там на обочине валялись трупы домашних животных. Метрах в тридцати от дороги лежала лошадь с перебитой ногой; она ржала от боли и все время пыталась подняться с земли, но ей это не удавалось.

– Котов! – окликнул красноармейца Николай. – Добейте животное, вы же видите, как оно мучается.

Боец передернул затвор винтовки и направился к лошади. Он долго стоял, не решаясь сделать выстрел.

– В чем дело, Котов? Животное добить не в состоянии?

– Не могу, товарищ лейтенант. Посмотрите, она же плачет!

Смирнов вытащил из кобуры пистолет и направился к раненой лошади. Он остановился возле нее. Лошадь словно поняла, зачем к ней подошел человек с пистолетом. Она тихо заржала. Из большого глаза лошади выкатилась слеза. Пистолет нервно задергался в руке лейтенанта. Он закрыл глаза и нажал на спуск. По крупу лошади словно пробежала волна, и она затихла.

Неожиданно в небе снова загудели моторы, это возвращались после бомбежки немецкие самолеты.

«Сволочи! Летают как у себя дома и ни одного нашего самолета», – подумал Смирнов, провожая взглядом армаду «Юнкерсов».

Появление в небе немецких самолетов удручающе подействовало на красноармейцев, все моментально замолчали и как-то притихли. Там, откуда они шли, все дымилось и горело. Облако черного дыма столбом нависло над лесом. Неожиданно один из самолетов, идущих в строю, отделился и, включив сирену, как коршун устремился прямо на них. Это было так неожиданно, что бойцы растерялись. Все стояли на дороге и как замороженные, рассматривали самолет с черными крестами на крыльях.

– Воздух! – успел крикнуть Николай и повалился в кювет.

Тра-та-та! – застучал авиационный пулемет. Не успевший укрыться боец повалился в дорожную пыль. Пилотка слетела с его головы и упала на землю.

Самолет промчался так низко над ними, словно хотел срубить винтами верхушки деревьев. Затем круто набрал высоту и, завалившись на левое крыло, снова понесся к земле. Пули швейными иглами прошили полотно дороги. Стоявшая на ней машина вспыхнула, словно факел...

- В лес! В лес! - закричал Смирнов, чувствуя, что окончательно сорвал голос.

Красноармейцы метнулись под кроны деревьев. Пока самолет делал очередной разворот, они успели надежно укрыться. «Юнкерс» прошел прямо над дорогой, словно охотник, выслеживающий дичь. Затем поднялся ввысь, и скрылся за кромкой леса.

- Похоже, улетел, - выдохнул Котов, обращаясь к Николаю.

Смирнов поднялся с земли и, отряхнув с гимнастерки сухую траву и пыль, приказал построиться. За исключением одного убитого, группа потерь не понесла. Пройдя еще с километр, они наткнулись на сгоревшую армейскую полуторку. На земле возле кабины лежали водитель и молоденькая девушка, в которой бойцы узнали Зинаиду Новикову, медсестру из санитарного взвода полка. Смирнов нагнулся над убитыми, забрал у них документы и приказал двигаться дальше. Где-то недалеко от них шел бой. Было хорошо слышно, как бьют артиллерийские орудия и минометы. Немного подумав, Смирнов принял решение идти к месту боя.

Вскоре они увидели разрушенный военный городок, вернее, то, что от него осталось. Кругом торчали сожженные солдатские палатки, разбитая техника. Похоже, немецкая авиация нанесла удар по спящему летнему лагерю, так как основная масса убитых красноармейцев была в нижнем белье. В дальнем конце городка Николай заметил группку бойцов, словно ожидавших, что за ними кто-то придет. Заметив шагающего к ним командира, они поднялись с земли и быстро построились.

- Где командиры? - поинтересовался Смирнов у одного из бойцов.

Боец, молча, перевел взгляд на сержанта, рука которого была неумело перевязана. Сержант вытянулся по стойке смирно.

- Сержант Грызлов, - представился он Смирнову.

- Доложите обстановку, товарищ сержант.

– Товарищ лейтенант, в расположении летнего лагеря оставались лишь хозяйственный и комендантский взвода; остальные подразделения батальона еще вчера отбыли на новые позиции. Утром, немецкие самолеты полностью уничтожили лагерь. Командир погиб, пришлось взять на себя командование.

– Ясно. Сколько в живых?

– Со мной одиннадцать, трое раненых.

– Как с оружием и боеприпасами?

– Оружия и боеприпасов нет: все было отправлено вместе с батальоном.

– Сержант Вавилов, поделитесь с бойцами оружием и боеприпасами.

Смирнов присел под деревом и закурил.

***

Генерал Мерецков, военный советник Ставки Главного Командования РККА, ехал по опустевшим улицам столицы. Около магазинов стояли люди в надежде купить хоть что-то, что могло впоследствии облегчить жизнь. В большой ценности были: мыло, спички, соль. Прибыв в столицу рано утром, Кирилл Афанасьевич рассчитывал сразу попасть на прием к Сталину, но, как потом оказалось, вождя в Кремле не было. Спрашивать Поскребышева, где он и когда будет, было совсем не безопасно. Потолкавшись немного в приемной Сталина, Мерецков направился к Тимошенко, который в то время возглавлял Наркомат обороны. Открыв массивную дверь кабинета, он уверенно зашел и, вытянувшись по стойке смирно, доложил маршалу о прибытии. Хозяин кабинета сидел за большим столом и что-то писал.

– А, это ты, Кирилл Афанасьевич, заходи, присаживайся. Ну, как там, в Ленинграде? – спросил у него Тимошенко.

– Пока нормально, – в унисон ему ответил Мерецков, – держатся.

– Тогда ознакомься с боевой обстановкой на Западном направлении, – предложил Тимошенко.

Мерецков нагнулся над разложенной на столе картой. Бывший начальник Генерального штаба Красной Армии, он мгновенно представил себе картину развернувшихся сражений. Только, сейчас, разглядывая карту, он окончательно убедился, что началась масштабная война, затяжная и кровопролитная.

– Что скажешь, Кирилл Афанасьевич? – поинтересовался Тимошенко. – Молчишь? Вот и я сейчас ломаю голову над тем, что докладывать Сталину.

Он замолчал и снова начал что-то писать, то и дело, обмакивая перо в инкрустированную металлом чернильницу. В тот день Сталина никто не видел, однако его незримое присутствие ощущали все, кто был тогда в Кремле. Не оказалось вождя на месте и в последующие дни.

Мерецков каждый день приезжал в Кремль, заходил в приемную и, встретившись с помощником вождя, молча, покидал помещение. Вот и сегодня все повторилось снова: Сталина на месте не было. Кирилл Афанасьевич шел по красному ковру коридора, стараясь понять, зачем и кому он понадобился здесь, и кому сейчас нужны его советы. Делиться соображениями с Тимошенко он не стал, поскольку тот сам был человеком военным и в качестве наркома обороны возглавлял Ставку Главного Командования. Именно он в это время, вместе с начальником Генерального Штаба Жуковым, подписывал все директивы и указания. Давать же какие-либо рекомендации Жукову, сменившему его на этой должности, было глупо и неосмотрительно: Жуков был не из тех людей, которые прислушивались к чьим-то советам!

Оставался лишь Сталин, которому могли бы понадобиться его опыт и знания, но того не было на месте. На четвертый день Мерецков, улучив момент, когда он остался с Тимошенко наедине, осторожно поинтересовался:

– Скажите, а нас товарищ Сталин не хочет собрать на совещание? К какому числу необходимо подготовиться?

Похоже, вопрос Мерецкова оказался для Тимошенко неожиданным, а может, и не совсем корректным. Он оторвал взгляд от карты и удивленно посмотрел на Кирилла Афанасьевича.

– Кого это нас? – хмуро спросил он, потирая выбритую голову.

– Я имел в виду военных советников, товарищ маршал. Меня, товарищей Жданова, Ватутина, Микояна, Шапошникова, Вознесенского и других.

Тимошенко усмехнулся.

– Ему сейчас не до советников, товарищ Мерецков. Похоже, вы еще не до конца осознали то, что произошло!

Как тогда показалось Кириллу Афанасьевичу, маршал едва не произнес фразу о том, что Сталин и прежде не особо нуждался в чьих-то советах. Однако, еще раз взглянув на него, промолчал. Несмотря на то, что они находились в этом громадном кабинете вдвоем, и каждый считал своего собеседника порядочным человеком, откровенного разговора не получалось.

– Ты помнишь, – обратился Тимошенко к Мерецкову, – как мы докладывали ему план отражения возможной агрессии немцев в отношении нас?

«Интересный вопрос, – подумал Мерецков. – Зачем он спросил меня об этом плане? Какой ответ его сейчас интересует?»

В кабинете повисла тягостная пауза. За это время они оба успели подумать об одном и том же. Мерецков, молча, кивнул. Еще бы ему не помнить тот памятный день пятого октября 1940 года.

***

Перед глазами генерала, словно кадры кино, закрутились те памятные ему дни. После мартовского заседания Политбюро ЦК ВКП (б), посвященного разбору войны с Финляндией, когда была подвергнута резкой критике вся система боевой подготовки РККА, Генеральный штаб, под руководством Шапошникова, все лето сорокового года разрабатывал план сосредоточения и развертывания вооруженных сил СССР на случай войны. Шапошников и он лично полагали, что если придется воевать Красной Армии, то наиболее вероятным ее противником будет именно нацистская Германия, которая рассредоточила значительные силы

на границе с СССР. Однако, подобная концепция была встречена руководством страны неоднозначно.

В середине августа 1940 года, когда план был практически готов, неожиданно для Мерецкова последовала команда на смещение Шапошникова с должности, а на его место был назначен он.

– Ну что, Кирилл Афанасьевич, давай, рули штабом. Может, тебе повезет больше, чем мне, – напутствовал его Шапошников. – Да ты особо не переживай: я не думаю, что ты меня подсидел. Этот вопрос решался там...

Он ткнул пальцем куда-то в потолок и, быстро передав дела своему преемнику, покинул кабинет. После его ухода Мерецков достал из сейфа папки и на время полностью погрузился в изучение плана, который, как он полагал, был своевременно подготовлен. Мерецков, как и Шапошников, считал, что главный удар, в случае войны, противник нанесет в Западном направлении, к северу от реки Сан.

Пятое октября 1940 года выдалось дождливым. Дождь, начавшийся еще накануне, шел всю ночь. Кирилл Афанасьевич сидел за столом и перечитывал подготовленный им доклад. Иногда он останавливался и вносил поправки в текст. Ему и раньше приходилось докладывать Политбюро, и он хорошо знал, что доклад должен был быть понятен не только военным. В девять часов утра он, вместе с Тимошенко, прибыл в Кремль к Сталину. Во время своего доклада Кирилл Афанасьевич предложил вождю развернуть все силы РККА от балтийского побережья до Белорусских болот, в сторону дружественной Германии!

Он закончил речь и, положив указку на стол, посмотрел на вождя, который слушал доклад, стоя, прохаживаясь из одного угла кабинета в другой.

– Вам не кажется, товарищ Мерецков, что вы ошибаетесь? – спросил его Сталин. – Ведь для того, чтобы вести войну против нас, Гитлеру нужны богатые промышленные и продовольственные ресурсы Украины, а не болота Белоруссии. Не знаю, как считает Генеральный штаб, но я думаю, что нам сейчас намного важнее укрепить Юго-Западное направление, а не всю линию соприкосновения наших войск.

Вождь подошел к Мерецкову, ожидая от него ответа.

– Товарищ Сталин, Генеральный штаб считает, что для сдерживания сил противника на Юго-Западном направлении достаточно ресурсов Киевского и Одесского военных округов, – четко произнес Мерецков. – Генштаб полагает, товарищ Сталин, что Германия, в случае войны, нанесет в том направлении лишь вспомогательный, отвлекающий удар. Главный удар немцы нанесут на Минск!

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Сталин по-прежнему оставался непроницаемым, ни один мускул не дрогнул на его каменном лице. Те, кто хорошо знал вождя, моментально поняли, что вождь явно остался недоволен ответом Мерецкова. Сталин резко повернулся к Тимошенко.

– Что скажете вы, товарищ Тимошенко? Может быть, и вы считаете Юго-Западное направление более безопасным, как это полагает товарищ Мерецков?

Голос Сталина звучал спокойно и бесстрастно, но именно это и ввергло собравшихся людей в ужас. Нарком обороны только что прибыл с Юго-Западного направления, где знакомился с обстановкой, и теперь должен был высказаться на этот счет. Тимошенко отлично понимал, что в утверждениях Сталина есть определенный логический смысл: враг, естественно, начнет войну с захвата богатых сырьевых, промышленных и сельскохозяйственных районов. Вроде бы, все правильно, однако, существовала и военная диалектика, тщательно проанализированная оперативным отделом Генштаба.

– Вы правы, товарищ Сталин, – тихо произнес маршал и посмотрел на Мерецкова. – Конечно, Украина для Гитлера – лакомый кусочек.

Он хотел еще что-то добавить, но под взглядом вождя, осекся.

– Вот мы и договорились, – радостно подхватил вождь. – Надеюсь, что и товарищ Ватутин с нами согласится.

Первый заместитель Мерецкова, все время наблюдавший за ними, вздрогнул и, вскочив с места, вытянулся по стойке смирно. Он, молча, кивнул и, поймав одобряющий взгляд Сталина, сел на место.

Вождь засмеялся. Вслед за ним засмеялись все присутствующие на совещании члены Политбюро и члены Военного совета Ставки.

– Я, хоть и не профессиональный военный, но кое-что в ваших делах понимаю. Так, что вы, товарищ Мерецков, остались в одиночестве, – весело заключил вождь. – Демократия восторжествовала. Исправьте ваш план отражения агрессии! Если и будем ждать удара, то по Украине, а не по Белоруссии, как вы настаивали. Что теперь скажете? Всегда трудно признавать свое поражение, даже в теоретических спорах!

Мерецков, выходя из кабинета Сталина, отчетливо представлял, что его ожидает в ближайшее время. Предчувствие не обмануло его. В начале января 1941 года Мерецков был освобожден от занимаемой должности, передав ее генералу Жукову. Этому способствовало и второе обстоятельство. В конце декабря 1940 года в Москве состоялось совещание высшего командного состава РККА, на котором присутствовало практически все Политбюро. На совещании пришлось выступить и генералу армии Мерецкову. Кирилл Афанасьевич говорил о недостатках подготовки армии, особое внимание уделил слабостям высшего командного состава и штабов военных округов. Всем, кто присутствовал и слушал доклад, было ясно, что генерал Мерецков связывает этот опасный недостаток с притоком на высшие командные посты молодых, неопытных выдвиженцев, которые заняли освободившиеся сразу после «чистки» армии должности.

Его выступление не осталось незамеченным, и он сразу же попал в число неблагонадежных.

***

– Стой! Кто идет? – раздалось из ближайших кустов. – Бросай оружие или начнем стрелять!

– Я тебе стрельну! – произнес сержант Вавилов и посмотрел на Смирнова.

В кустах сухо звякнул затвор. Этот звук заставил идущих по дороге бойцов приготовить оружие к бою.

– Лейтенант Смирнов! – громко представился Николай. – С кем говорю?

– Бросай оружие! – снова раздался голос из кустов. – Последний раз предупреждаю!

– Оружие на землю! – приказал Смирнов красноармейцам и, расстегнув кобуру, достал пистолет, который положил у ног.

Глядя на командира, сложили оружие и другие красноармейцы. Прошло около минуты, прежде чем из кустов появился боец.

– Кто такие будете и откуда идете? – спросил Смирнова боец. – Часть?

– Веди к командиру! Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался? – произнес со злостью Николай. – Сами кто такие?!

Боец промолчал и сделал вид, что не услышал вопроса. Он постоянно оглядывался на кусты, словно боялся остаться наедине с этими измученными переходом бойцами. Наконец он улыбнулся, заметив вышедшего из-за кустов командира. Взгляд Смирнова невольно остановился на его малиновых петлицах.

«Он такой же лейтенант, – подумал Николай. – Только он сотрудник НКВД, а я, командир Красной Армии».

Смирнов козырнул офицеру и представился ему.

– Кто и куда направляетесь? – сухо спросил Николая лейтенант.

– Пытаемся догнать своих. Я – командир роты второго батальона 613 стрелкового полка.

– Документы! – жестко произнес сотрудник НКВД, глянув на Смирнова. – Эти люди с вами?

– Так точно, – по уставу ответил Смирнов.

Сотрудник Особого отдела внимательно изучил документы прежде, чем вернуть их Николаю.

– Назовите фамилию начальника Особого отдела вашего полка.

– Лейтенант НКВД Говоров.

Офицер вернул документы и стал внимательно рассматривать бойцов, двигаясь вдоль строя. Взгляд его был таким колючим и холодным, что Николай на какую-то долю секунды поверил, что сейчас последует команда «Пли» и по ним ударят пулеметы.

– Лейтенант, прошу следовать за мной, – произнес тот и, развернувшись, направился к кустам.

Смирнов, молча, последовал за ним, оставив своих бойцов на дороге. За придорожными кустами виднелась небольшая поляна, на которой находились красноармейцы численностью с роту. Кто-то лежал под деревом, кто-то сидел прямо на земле, подставив под горячее солнце свое обнаженное тело. Они миновали поляну и углубились в небольшой лесок. В тени вековой ели Николай увидел штабную «Эмку». Возле нее стояли несколько офицеров, среди которых он узнал Говорова.

– Как дела, Смирнов? – спросил его Геннадий Степанович. – Я думал, что ты погиб. Мне доложили, что летний лагерь был полностью уничтожен немецкой авиацией.

– Как видите, не погиб, чего не могу сказать о батальоне! Убит командир полка: бомба угодила прямо в его палатку.

– Да, не повезло; хороший был командир. Сейчас иди, отдыхай: ты мне еще понадобишься.

Смирнов развернулся через левое плечо и направился к кустам, около которых уже расположились бойцы его группы.

***

Смирнов проснулся от толчка в плечо. Он открыл глаза, стараясь понять, где он и кто стоит перед ним. В темноте он не сразу узнал Говорова.

- Просыпайся, Николай, - произнес тот. - Через час рассвет.

- Что случилось? - спросил Николай чекиста.

- Поменьше вопросов....

Смирнов встал с земли и стал отряхивать сухую траву, приставшую к его форме.

- Возьми с собой человек десять самых надежных бойцов и отправляйся к грузовикам, которые стоят на дороге! - приказал ему Говоров.

- Куда мы направляемся? - снова поинтересовался у него Смирнов.

- Придет время, узнаешь, - с металлом в голосе произнес Говоров. - Не задавай ненужных вопросов. Меньше будешь знать, лучше будешь спать!

Николай быстро собрал группу и направился к ожидавшим грузовикам. Около пристроившейся неподалеку «Эмки» стояли Говоров и два незнакомых Смирнову сотрудника НКВД.

- В машину! - приказал Николай бойцам и, когда те залезли в кузов, сел рядом с водителем.

Водитель, мужчина лет сорока, посмотрел на своего соседа по кабине через плечо. Взгляд его не был ни дружелюбным, ни злым.

«Да, с таким не поговоришь», - решил про себя Смирнов, поглядывая на шофера.

Машина плавно тронулась и запылила по проселочной дороге.

- Табачка не будет? - спросил Николай водителя. - Ужасно хочется покурить.

– Не курю, товарищ лейтенант, – коротко ответил тот. – Приедем на место, там и покурите.

– А куда мы едем? – снова спросил Смирнов.

– Куда надо, туда и едем! – дерзко ответил водитель. – Мне сказали следовать за «Эмкой», вот я и следую.

Машины, не сбавляя скорости, въехали в небольшой городок и остановились напротив двухэтажного дома. Дом был недавно покрашен. В воздухе еще стоял запах свежей побелки. Окна дома были завешены, и лишь в одном из них в щель пробивалась узкая полоска света.

– Спешиться! – скомандовал Смирнов и направился к Говорову, который ожидал его возле машины.

– Слушай, Смирнов! Наша с тобой задача: арестовать командующего 4-ой армией генерала Коробкова. Ты понял задачу?

– Можно вопрос?

– Что за вопрос, Смирнов? Сейчас не до вопросов! Мы должны сделать это быстро и без шума. Предупреди своих бойцов, быстро и тихо!

Николай не верил своим ушам и, если бы рядом с ним не стоял сейчас сотрудник Особого отдела, посчитал бы все это за неудачную шутку.

– Я, наверное, ослышался? – спросил Николай Говорова. – За что?!

– Выполняйте приказ, лейтенант. Это не шутка, а приказ из Москвы! Раз понятно, приготовьте оружие и следуйте за мной.

Говоров первым вошел в помещение штаба 4-ой армии. За столом сидел дежурный офицер в звании капитана.

– Мне нужен командующий армией, – произнес чекист. – Разбудите его!

– Александр Андреевич только что прилег отдохнуть, – ответил дежурный офицер. – Кто вы такие и зачем вам командующий?

– Особый отдел фронта! Еще есть вопросы?

Офицер хотел поднять трубку, но Говоров опередил его и положил свою ладонь на телефонный аппарат. Дежурный начал расстегивать кобуру, но пистолет Говорова уперся ему в грудь.

– Без шума, капитан. Арестовать! – коротко скомандовал чекист.

Смирнов вытащил из кобуры капитана револьвер и сунул его в карман галифе.

– Выведите его на улицу, – приказал Николай сопровождавшим его бойцам.

Затем он и Говоров быстро поднялись на второй этаж и направились по коридору, открывая по ходу своего движения двери. За одной из них оказалась маленькая койка, на которой, не снимая сапог, спал генерал.

– Генерал Коробков? – толкнул в плечо генерала Говоров. – Александр Андреевич?

Генерал вскочил на ноги. В его комнате стояли два офицера с оружием в руках.

– В чем дело? Кто вы? – испуганно спросил Коробков.

– Вы арестованы. Сдайте оружие и следуйте за нами!

Смирнов увидел, как дрогнуло лицо генерала Коробкова. Рука генерала никак не могла нащупать пуговицу, чтобы наглухо застегнуть китель. Он указал на кобуру, которая лежала на стуле.

– Следуйте за нами....

Через десять минут все трое вышли из здания штаба. Водитель «Эмки» открыл заднюю дверь. Тогда Николай еще не знал, что в ту же ночь были арестованы:

генерал-майор Климовских Владимир Ефимович, начальник штаба Западного фронта, генерал-майор Григорьев Андрей Терентьевич, начальник связи штаба Западного фронта, и командующий Западным фронтом, Герой Советского Союза, генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич. Все выше упомянутые генералы обвинялись либо в антисоветском заговоре, либо в преступном бездействии.

***

Все смешалось в голове Смирнова. Весь световой день их дивизию утюжила немецкая артиллерия, которую сменяла авиация. К вечеру немецкая пехота и танки прорвали оборону на стыке полка и лавиной устремились к реке. Это было уже второе окружение, в которое он попадал с начала войны. Впереди, метрах в ста от него, шла основная группа, несущая на носилках раненого командира дивизии. Очень хотелось есть. Чтобы не нарваться на немцев, они не заходили в деревни, стараясь держаться подальше от основных дорог, по которым круглые сутки шли немецкие колонны.

– Товарищ лейтенант, у нас ЧП! – обратился к нему сержант Вавилов. – Пропали два бойца: Кузьмин и Боровик.

– Как пропали? – строго спросил Смирнов.

– Не знаю. Они замыкали нашу группу, поэтому никто ничего не видел. Наверное, решили сдаться в плен!

Николай промолчал. В последнее время группа потеряла много бойцов. Красноармейцы, не веря в победу над гитлеровцами, стали перебегать на сторону врага. Обычно это были одиночки, но иногда в плен сдавались целыми отделениями и взводами.

Где-то впереди слышались голоса. К Смирнову подошел капитан Сазонов.

– Смирнов, отойдем в сторону, нужно поговорить.

Сазонов возглавлял дивизионную разведку, и сейчас, именно он вел остатки полка на восток. Они отошли в сторону.

– Смирнов, до линии фронта чуть больше десяти километров. Принято решение прорываться рано утром, – произнес капитан. – Командир полка в тяжелом состоянии; и, если мы не пробьемся к своим, шансов спасти ему жизнь, практически, нет!

Он сделал паузу и взглянул на Николая.

– Полковник хочет, чтобы ты возглавил группу прорыва.

– Что вы хотели услышать от меня, товарищ капитан? Я человек военный, и для меня приказ..., – Смирнов замолчал, так как только сейчас осознал, какую ответственность он возлагает на свои плечи.

– Другого ответа я от тебя и не ожидал. Пусть твои люди немного отдохнут перед броском.

– Есть, товарищ капитан.

– Тогда подтянитесь ближе, сейчас я объявлю привал.

Впервые за последние три дня Смирнов заснул. Ему снилось училище, выпускной вечер, Корнилова Нина в белом платье....

– Лейтенант, поднимай своих людей!

Николай открыл глаза. Перед ним стоял капитан. Когда Смирнов встал, тот отвел его в сторону и, развернув карту, начал объяснять ему схему расположения немецкой обороны.

– Вот здесь, у самой кромки леса, у них пулемет. Твоя задача захватить эту огневую точку и, в случае чего, поддержать пулеметным огнем проход основных сил полка.

Смирнов полз уже минут двадцать, гимнастерка и брюки были мокрыми от выпавшей росы. Несмотря на густой туман, никто из них не рискнул подняться с земли. Где-то, совсем рядом, слышались немецкие голоса. Когда до немецких пулеметчиков осталось метров пять, он вскочил на ноги и буквально влетел в

окоп, в котором находилось трое гитлеровцев. Немцы явно не ожидали нападения и не смогли организовать активное сопротивление. Бойцы быстро расправились с немецким боевым охранением.

Тарасов достал из кармана броек ракетницу и выстрелил. Зеленая ракета, описав дугу, рассыпалась в небе. Полк, вступил в бой и, подмяв немецкую оборону, устремился к реке, на другом берегу которой скопились наши войска.

***

Члены Военного совета собрались в Кремле. Сталин проводил разбор игры, главными противниками в которой были Павлов и Жуков. Штабная игра закончилась победой «синих», которыми командовал Жуков, над «красными», которыми руководил Павлов.

– Товарищ Мерецков! – обратился к нему Сталин. – Что вы можете сказать по итогам этой игры? Почему выиграла «синие», ведь у «красных» было явное преимущество в живой силе и технике?

Мерецков вздрогнул от неожиданности и растеряно посмотрел на вождя. Однако, замешательство длилось всего несколько секунд. Генерал встал и начал докладывать Сталину о неудачном расположении войск «красных», которые были подавлены танковым и авиационным преимуществом «синих». Лицо Сталина перекосила злая усмешка.

– Хватит! «Синие» никогда не смогут победить «красных»!

Не скрывая досады, Сталин пояснил:

– Товарищ Мерецков! Вы забыли слова великого русского полководца, фельдмаршала Суворова, который как-то сказал, что победа достигается не числом, а умением! Арифметическое большинство – это хорошо... Но важно командное искусство, боевой опыт непобедимой Красной Армии!

Вождь сделал особое ударение на слова Красная Армия.

– Запомните, товарищ Мерецков: Красная Армия – это детище рабочих и крестьян. Армия, закаленная в боях с белогвардейцами и Антантой, не может быть побеждена ни «синими», ни «белыми», ни какими другими! Это вам ясно?!

Генерал молчал, не зная, стоит ли возражать вождю или нет. Страх перед возможной расправой пробежал между лопаток и застрял где-то в подсознании.

Теперь, когда война, которую, вроде бы, ждали, но от которой все отмахивались, вдруг началась. Гитлер, предугадавший стратегические замыслы Сталина, нанес свой главный удар не по Украине, как на это рассчитывал вождь, а по Белорусскому военному округу, которым командовал Павлов. Двадцать восьмого июня 1941 года пал Минск. Западнее его остались в окружении и продолжали сражаться одиннадцать дивизий. В тот же день пали Бобруйск и Ровно.

Генерал постоял немного в раздумье в приемной вождя, не решаясь спросить помощника, приедет ли сегодня в кремль Сталин или его снова не будет. Но тот словно прочитал его мысли.

– Что у вас, Кирилл Афанасьевич?

– Передайте мою записку товарищу Сталину, – сказал Мерецков и протянул Поскребышеву пакет.

– Что в ней? – спросил секретарь. – Я имею в виду записку.

– Здесь анализ обстановки и мои мысли по исправлению создавшегося положения.

– Хорошо, товарищ Мерецков. Я передам ее Сталину при первой же возможности. Думаю, она заинтересует его.

Генерал вышел из приемной. Кремль был похож на встревоженный улей. По коридору шли гражданские и военные и пропадали за высокими дубовыми дверями кабинетов. Мерецков вышел из здания и, не торопясь, направился к ожидавшей его автомашине.

Утром, первого июля, Мерецкову позвонили в Генштаб и сообщили, что его готов принять Сталин. При выходе из штаба генерала встретил сотрудник НКВД с ромбом на петлицах.

– Кирилл Афанасьевич, вас ожидает товарищ Сталин! Мне приказано сопровождать вас.

Чекист проводил его до машины, и они поехали в Кремль. Улицы Москвы были пусты. Мерецков был уверен, что причиной его вызова к вождю является записка, оставленная Поскребышеву. Он повернулся к сотруднику НКВД, но, заметив его отрешенный взгляд, не стал задавать никаких вопросов; да и надежды на то, что тот ему ответит, просто не было. Они вошли в здание и направились в сторону кабинета Сталина. Высокий красный ворс шерстяного ковра глушил их шаги, и Мерецкову в какой-то момент показалось, что они шагают по залитой кровью земле. Они остановились напротив двери приемной. Чекист открыл дверь и вошел в приемную. Вскоре он вышел и, улыбнувшись генералу, произнес:

– Проходите, Кирилл Афанасьевич.

Мерецков вошел в приемную и взглянул на Поскребышева. Тот, молча, кивнул головой, давая понять, что вождь ждет его.

***

Сталин сидел за столом. Наконец он оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на вошедшего генерала.

– Я не понял вас, товарищ Мерецков, о какой стратегической обороне пишете вы в своей записке?

Вождь был одет в светлый полотняный костюм с отложным воротником и большими накладными карманами. Брюки Сталина были заправлены в мягкие кожаные сапоги. Левая рука лежала на черной перевязи.

– Проходите, не стойте в дверях, – добавил Сталин, указывая здоровой рукой на кресло.

Мерецкову пришлось сесть спиной к приоткрытой двери, ведущей в смежную комнату. Он тут же почувствовал, что в комнате кто-то есть, и это присутствие моментально сковало его волю. Страх перед неизвестностью в очередной раз пробежал по его спине. Кресло оказалось не слишком удобным и очень низким. Сталин смотрел на генерала сверху, и Мерецков отметил его осунувшееся лицо с желтым нездоровым оттенком.

«Видно, тяжело ему», – подумал Мерецков.

– Мы познакомились с вашей запиской, товарищ Мерецков, и сочли возможным разобраться по всем пунктам, на которые вы просили обратить внимание, – словно подбирая слова, медленно произнес Сталин. – Мы учли и тот фактор, что вы являетесь военным советником и должны своевременно анализировать обстановку. Считаем, что вы свой долг выполнили. Думаем, что ваша записка носит рекомендательный характер, не более. Я правильно вас понял?

– Так точно, товарищ Сталин, – торопливо произнес Мерецков, вызвав у вождя улыбку.

Генерал моментально понял, что тот улыбнулся ему неспроста.

– Давайте, прежде чем вернуться к нашему разговору, поговорим об обстановке на фронтах. Надеюсь, вы в курсе последних изменений?

Мерецков слегка растерялся, так как предложение Сталина застало его врасплох. Однако он быстро взял себя в руки и начал доклад.

– Главное беспокойство, товарищ Сталин, вызывает положение наших войск под Бобруйском. Сейчас мы стягиваем туда все наши силы и вводим их в бой. Наши части успели взорвать мост через Западную Двину у Риги, и это не позволило противнику взять город с ходу. На Юго-Западном направлении противнику удалось окружить наш восьмой механизированный корпус.

– Почему вы считаете, что он окружен? – оскалился от этих слов Сталин.

Желтые глаза вождя загорелись гневом, и это не предвещало ничего хорошего. Однако Мерецков не остановился, а продолжил доклад, словно не услышав реплику вождя!

– До самого последнего времени практически все части Красной Армии получали приказы о проведении только наступательных операций. Думаю, это были не совсем верные приказы с тактической точки зрения. В условиях, когда немецкие танковые части охватывают наши фланги и вбивают в стыки между соединениями танковые клинья, любое продвижение на Западном направлении, в отрыве от соседей, приведет к неминуемому окружению войск. Особо хотелось отметить нехватку горючего и боеприпасов. Танкисты вынуждены взрывать или зарывать машины в землю! Эти действия считаю правильными, ибо они необходимы для проведения оборонительных мероприятий.

Вождь хлопнул ладонью по столу и поднялся со стула.

– Я не считаю себя сторонником оборонительных мероприятий! – зло произнес Сталин. – Я полагаю, что агрессор должен быть давно отброшен с советской территории! А наши хваленые войска до сих пор не могут справиться с наглецами! Почему же Павлов и Кирпонос, которых мы подняли из низов, не могут дать отпор захватчикам?

– Может быть, товарищ Сталин, у них недостаточно боевого опыта подобного масштаба?

– Но почему фашисты почти беспрепятственно продвигаются вперед? – как бы размышляя вслух, произнес вождь и в упор посмотрел на генерала.

В какой-то миг Мерецков хотел напомнить вождю о плане обороны, но вовремя спохватился. Упрекнуть Сталина в том, что тот так глупо поверил Гитлеру, он тоже не мог. В кабинете повисла тишина. Но вопрос был задан, и на него следовало отвечать.

– Фактор внезапности, товарищ Сталин, – сказал Мерецков, следя за выражением лица вождя.

– Вы правы: они совершили вероломство, – подхватил его мысль вождь. – Я уверен, что колесо истории раздавит их. Что вы предлагаете?

Мерецков был несколько обескуражен последним вопросом. Он немного помолчал, потом ответил:

– Теперь мы знаем, товарищ Сталин, что немцы воюют с нами так, как учил нас Тухачевский.

Мерецков осекся и посмотрел на вождя. В кабинете снова стало тихо, и эта тишина заставила Мерецкова вздрогнуть.

– Продолжайте дальше, – произнес Сталин. – Почему вы не назвали свою фамилию после фамилии Тухачевского? Если мне не изменяет память, вы были начальником штаба у Уборевича, а потом у Блюхера?

Мерецков вскочил с кресла и хотел ответить «так точно», но голос у него осекся, и он лишь кивнул в ответ...

Сталин сел за стол и взял в руки его записку.

– Вы предлагаете Советскому правительству проводить тактику «выжженной земли», – словно вновь размышляя вслух, произнес вождь. – Вы хорошо понимаете, что предлагаете?

Он потряс в воздухе листами записки, а затем раздраженно бросил их на стол.

– Взрывать мосты, снимать при отступлении рельсы со шпалами, угонять вагоны и паровозы, сжигать хлеб и топливо, угонять скот! А, в оставленных нашими войсками районах оставлять диверсантов? Я правильно вас понял, товарищ Мерецков?

Генерал, молча, кивнул.

– Значит, вы считаете положение наших войск настолько плохим, что предлагаете объявить войну всенародной? – уточнил Сталин. – Похоже, вы уже не верите в нашу армию, если предлагаете подобное!

Мерецков понял, что угодил в ловушку, искусно расставленную Сталиным. Он стал по стойке смирно и, чеканя каждое слово, произнес:

– Я верю в нашу Красную Армию, но ее нужно спасти, товарищ Сталин! Считаю, что настало время для одновременного и планомерного отвода наших войск!

– Не стройте из себя Кутузова, – раздраженно произнес Сталин. – Может, и Москву немцам сдать? Идите, товарищ Мерецков, и подумайте над моими словами.

Генерал вышел из кабинета и, тяжело ступая, направился по коридору к выходу. Ночью, он долго не мог заснуть и непроизвольно прислушивался к шуму, доносившемуся с улицы: ему казалось, что вот сейчас раздастся стук в дверь и в комнату войдут сотрудники НКВД.

«Почему Сталин напомнил мне об Уборевиче и Блюхере? Может, не стоило вообще произносить фамилию Тухачевского? Впрочем, дело сделано: слово – не воробей, вылетит, не поймаешь!»

Кирилл Афанасьевич встал с постели и подошел к окну. Во дворе дома он увидел «Черный воронок». Когда подъехала эта машина, он не знал, но предчувствие надвигающейся беды парализовало волю. Он не помнил, сколько простоял у окна. Наконец раздался настойчивый стук в дверь, который вернул его к действительности. Мерецков, направился в прихожую. Ноги стали, как ватные, и плохо подчинялись ему.

– Кто там? – с усилием спросил он.

– НКВД. Открывайте, иначе мы выломаем дверь!

От стука проснулась жена. Она выскочила в прихожую, накинув на себя халат.

– Кирилл, кто это? – испугано спросила она.

Он промолчал и открыл дверь. В прихожую вошли два человека в штатском. Один из мужчин держал руку в кармане брюк.

«Похоже, в кармане пистолет», – промелькнуло в голове генерала.

– Кирилл Афанасьевич Мерецков? – спросил второй сотрудник и, заметив кивок, продолжил. – Одевайтесь, вы арестованы!

Генерал хотел спросить о причине его ареста, но понял, что не может этого сделать.

– Евдокия, – через силу произнес он, – произошла какая-то ошибка. Я думаю, товарищ Берия разберется.

Он быстро оделся и, в сопровождении сотрудников НКВД, вышел из квартиры.

***

Немецкий офицер стоял посреди дороги и внимательно рассматривал в бинокль местность. То, что он знал об организованной ротой Смирнова засаде, было видно невооруженным глазом. Наблюдая за гитлеровцем, Николай не исключал, что об этом ему мог рассказать захваченный в плен красноармеец. Вскоре его предположение подтвердилось. Офицер что-то сказал солдату. Тот скрылся в кустах и, через минуту-другую, появился снова, толкая прикладом пленного. Боец, сжимая в руке скомканную пилотку, подошел к офицеру и стал что-то говорить, указывая на прилегающий к дороге лесок.

«Сука! – произнес про себя Смирнов. – Предатель!»

Вскоре на дорогу выехал бронетранспортер в сопровождении группы мотоциклистов и, подобрав командира, направился в сторону позиций роты. Николай поймал в прицел офицера, стоящего рядом с пулеметчиком, и нажал на курок пулемета. Огненная трасса уперлась в грудь немецкого офицера. Его тело сначала задергалось, словно он попал под высокое электрическое напряжение, а затем рухнуло на дно бронированной машины. Дружный залп винтовок и автоматов буквально смел мотоциклистов с дороги. Бронетранспортер, двигаясь задним ходом и поливая огнем все вокруг себя, исчез за поворотом.

– Ура! Драпают, гады! – раздалось из окопов. – Что, получили?!

Смирнов улыбнулся. Это была его первая открытая стычка с немцами, и он победил в ней. Пусть эта победа была лишь малой толикой, но, все равно, эта была его победа! Однако эйфория длилась недолго. По позициям роты ударили немецкие минометы, к которым присоединились и орудия. Взрывы выворачивали деревья, разносили окопы, и, казалось, конца этому огненному аду не будет никогда! Неожиданно канонада стихла, и только истошные крики раненых немцев доносились до слуха живых бойцов. Николай посмотрел на часы: с момента немецкой артподготовки прошло всего десять минут, которые показались вечностью. Из-за поворота выползли два немецких средних танка. Они хищно водили своими короткими пушечными стволами из стороны в сторону в поисках цели. Наконец, один из них выстрелил. Снаряд разворотил соседний от Смирнова окоп, выбросив на бруствер внутренности убитого красноармейца.

– Приготовить гранаты! – выкрикнул Николай. – Гранатометчики, вперед!

Он приложил к глазам бинокль. Несколько бойцов выползли из окопов и, укрываясь в воронках, поползли в сторону танков. Слева от Смирнова раздался сильный взрыв. Танк сначала закрутился на месте, а затем замер. Из мотора повалил жирный черный дым. У танка открылся люк, и танкисты в спешке начали покидать горящую машину. Захлопали одиночные винтовочные выстрелы, это красноармейцы расстреливали танкистов. Второй танк сделал всего два выстрела и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пополз в обратную сторону.

«Не нравится, – подумал Смирнов. – Думали, что при появлении танков мы бросимся бежать? Ошибаетесь, господа фашисты».

Снова по обороне роты ударили минометы. Вой и скрежет мин, взрывы, все слилось в какую-то непонятную страшную какофонию. Под прикрытием минометного огня немцы стали обходить позиции роты с фланга. Их небольшие группы, численностью до десяти человек, появились среди молодого лесочка. Смирнов развернул пулемет в сторону немцев и, первой же очередью, срезал около восьми фрицев. Однако огонь пулемета не остановил атакующий порыв немцев. Нужно было что-то делать, и Николай, встав в полный рост, что есть мочи закричал:

– За Родину! За Сталина!

Вслед за ним из окопа поднялся Вавилов и, с винтовкой наперевес, бросился вперед. Немцев было много, но контратака красноармейцев была столь стремительной и внезапной, что они сначала остановились, попятнулись, а затем бросились обратно в лесок. Красноармейцы расстреливали их буквально в упор, и в какой-то момент показалось, что атаку русских невозможно было остановить. Но это лишь показалось! Во фланг атакующей роты ударили танки.

– Назад! В окопы! – закричал осипшим от крика голосом Смирнов, но его никто не слышал.

Несколько танков буквально смяли атакующую цепь красноармейцев. Вслед за танками бросилась в атаку и немецкая пехота. Танки, словно дикие звери, давили своими гусеницами разбегающихся в панике красноармейцев. До окопов добежало чуть больше десятка. Ни о какой обороне уже не могло идти и речи. Все бросились в лес: в надежде укрыться там.

***

Смирнов открыл глаза. Первым, что он увидел, была маленькая красная бабочка, медленно поднимавшаяся вверх по травинке. Чем выше поднималась бабочка, тем сильнее раскачивалась травинка. Наконец, бабочка взмахнула прозрачными крылышками и, оторвавшись от травинки, исчезла в голубом небе. Он на какой-то миг погрузился в шум лета, в пение жаворонка, в треск кузнечиков, которые, словно сговорившись, стрекотали где-то в густой траве. Услышав шаги, Николай попытался повернуть голову, но сильная боль заставила его вздрогнуть и застонать. Перед глазами поплыли яркие радужные круги.

– Наконец-то очнулись, товарищ лейтенант, – произнес сержант Вавилов, сидевший рядом с ним. – Долго же вы были без сознания. Я уж подумал, что вы скончались!

– Типун тебе на язык, Вавилов. Что со мной?

– Похоже, контузило вас сильно, если ничего не помните, – ответил ему сержант. – Еле спасли вас. Если бы не Генералов, раздавил бы вас танк. Он буквально вытащил вас из-под гусениц.

– Я ничего этого не помню. Скажи, где я?

– В лесу мы, товарищ лейтенант. Из всей роты осталось семнадцать человек.

– А что с остальными?

Вавилов с удивлением посмотрел на командира. Он не мог поверить, что лежащий перед ним человек ничего не помнит.

– Кто-то погиб, а кто-то попал в плен. Вы помните командира третьего взвода сержанта Ивлева? Так этот гад упал перед немцами на колени и поднял руки. Я его из винтовки достал!

Смирнов промолчал и снова попытался повернуть голову, однако боль моментально напомнила о себе.

– Слушай, Вавилов, не пойму, что со мной. Не могу повернуть голову.

– Я не фельдшер, товарищ лейтенант; погодите немного, все пройдет.

Сержант встал и направился к отдыхающим красноармейцам.

– Ну, как? – поинтересовался один из бойцов. – Что с командиром?

– Очнулся. Говорит, что не может повернуть голову и ничего не помнит.

– Еще бы, – подытожил боец. – Вы бы видели, товарищ сержант, как его шарахнуло об землю! Я думал, он копыта отбросил, а он жив!

В небе загудели авиационные моторы. Все автоматически посмотрели вверх. В бездонном синем небе, словно в море, плыли самолеты с черными крестами на крыльях.

– Летят, стервятники! – буркнул кто-то из красноармейцев. – А нам всегда внушали, что будем воевать на чужой территории! А оно видишь как.

Вдалеке слышались голоса. Красноармейцы быстро залегли между деревьями. На поляну вышла небольшая группа бойцов.

– Стой! Бросай оружие! – командовал им Вавилов.

Бойцы сбились в кучу. Судя по поведению, они были изрядно напуганы и никак не ожидали встретить людей.

– Не стреляйте, мы свои! – произнес один, положив винтовку на землю.

Вслед за бойцом сложили оружие и другие. Пауза явно затягивалась, и было необходимо принимать какое-то решение.

– Офицеры среди вас есть? – спросил Вавилов.

– Нема, – ответил боец с окровавленной повязкой на голове. – Их еще вчера всех постреляли!

Вавилов поднялся на ноги и направился к ним.

***

Корнилова Нина вышла из дверей военкомата в расстроенных чувствах. Ее мечта попасть в школу снайперов была полностью разбита резонными доводами военкома.

– Да поймите меня, девушка, правильно! Сейчас фронт остро нуждается в медицинских сестрах. Вы же сами написали в своей анкете, что являетесь абитуриентом медицинского института. Зачем же ломать о колено свою мечту?

– Но, товарищ военком, медсестрой может работать каждая девушка! Перевязывать раны, разносить лекарства, делать уколы. Этому можно быстро научиться... Я прошу, чтобы вы отправили меня на фронт! Я хочу бить фашистов! Я же комсомолка, и мне стыдно прятаться в тылу, когда воет вся страна.

Военком усмехнулся. Он достал папиросу из портсигара и закурил. За эти первые военные дни он сильно устал, а, судя по поступающим приказам и директивам, надеяться на отдых не стоило. Он посмотрел на стоявшую перед ним красивую девушку, и ему вдруг стало ее жалко.

– Да поймите меня, Корнилова, – устало произнес он. – Вы считаете, что помогать раненым бойцам Красной Армии менее почетно, чем стрелять в фашистов? Нет, голубушка, вы глубоко ошибаетесь. Нет ничего благороднее, чем спасти людей от смерти, возвращать их обратно на фронт, где они снова будут уничтожать немецкую мразь. Вы хоть это понимаете?

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

– Вы думаете, я не хочу на фронт? Поверьте, я тоже хочу сражаться! Но партия приказала мне быть здесь: формировать части и уговаривать таких, как вы, упрямых девушек. Так что не нужно капризничать, комсомолка Корнилова, вы – не дома! Пройдите в соседний кабинет и получите все необходимые документы. Думаю, пройдет совсем немного времени, и вы поймете, что я был прав, направив вас в медсанбат. Остаься в живых, дочка.

– Товарищ военком, но я отлично стреляю и хожу на лыжах! Разве этого мало? Я многое могу...

Она хотела еще что-то добавить, но он уже не слушал. Повернувшись к ней спиной, он начал набирать номер на телефоне. В соседнем кабинете, молоденький лейтенант вручил ей документы, предписывающие прибыть в военный госпиталь, который располагался на соседней улице.

– Вы чем-то недовольны? – спросил лейтенант, сверкнув белоснежными зубами.

– Почему же, я очень довольна; вот только хотела стать снайпером, а придется выносить горшки за ранеными. Разве это справедливо?

– Это тоже война, Корнилова: война со своей гордыней, со своими желаниями. Так что, удачи вам! – произнес офицер и подмигнул ей.

Нина вышла из кабинета и молча, направилась через заполненный людьми коридор.

– Вы слышали, наши оставили Минск? – произнес мужчина в клетчатой кепке, обращаясь, к стоявшему рядом с ним военному. – Где же наши части? Почему мы все время отступаем?

Заметив сердитый взгляд Нины, он замолчал и отвернулся в сторону. Вести подобные разговоры, тем более в стенах военного комиссариата, было небезопасно. За распространение пораженческих слухов можно было угодить под трибунал!

Девушка вышла на улицу. Около здания военкомата толпились женщины с детьми, пришедшие проводить своих мужей на фронт. Многие из них плакали и причитали, прижимая к себе маленьких ребятишек.

«Как хорошо, что меня никто не будет провожать! – подумала Нина. – Не будет слез, не будет прощальных напутствий».

Улицы Москвы были, как никогда, пусты. Около закрытых магазинов стояли небольшие группы людей, надеявшихся, что им удастся что-то купить. Она, молча, проследовала мимо них и направилась к метро.

***

Генерал-лейтенанта Мерецкова втокнули в сырую камеру, походившую на каменный мешок. Длина камеры была не более трех метров, а ширина, чуть меньше четырех. Он сделал несколько шагов, когда за его спиной глухо звякнула металлическая дверь. Как ни странно, но именно эта массивная дверь поделила его жизнь, на до и после ареста. Рядом с небольшим окном стояла солдатская койка, заправленная серым армейским одеялом. Мерецков устало опустился на койку и, в ту же секунду, услышал голос надзирателя:

– Встать! Не положено!

Он не сразу понял, что выкрик относится именно к нему.

– Тебе что, не ясно? Встать, а то зубы будешь собирать с пола! Отбой в 20-00; вот тогда можешь усаживаться или укладываться!

Кирилл Афанасьевич медленно поднялся с койки и зашагал по камере. Ночью, после ареста, его доставили к следователю НКВД. Сотрудник был молод, не более двадцати лет. На малиновых петлицах гимнастерки блестели два «кубаря», что соответствовало званию сержанта.

– Что встали у порога? Проходите, Кирилл Афанасьевич, в ногах правды нет, – произнес следователь. – Правда, на заднице вы ее тоже не отыщите...

Он громко рассмеялся над шуткой, обнажив мелкие прокуренные зубы. Затем пододвинул чистый лист бумаги и, взяв из стакана заточенный карандаш, тщательно осмотрел его, словно стараясь убедиться, что тот хорошо заточен. Взглянув на растерянное лицо Мерецкого, следователь задал первый вопрос:

– Кирилл Афанасьевич, в каком году вы были завербованы немецкой разведкой? Только не надо возмущаться и устраивать сцен патриотизма! Здесь говорят не только люди, но и стены.

Генерал побледнел. Теперь он окончательно понял, что с ним случилось.

«Язык мой – враг мой! – почему-то подумал он. – Вот тебе, дураку, Тухачевский, Блюхер, Уборевич.....».

– Меня никто никогда не вербовал! Вы об этом хорошо знаете и, все же, задаете мне подобный вопрос, – произнес Мерецкий.

Следователь улыбнулся и посмотрел в угол кабинета, где сидел человек, не знакомый генералу. Падавшая от лампы тень скрывала его лицо. Однако, генерал сразу понял, что это сотрудник НКВД в высоком звании.

– Кирилл Афанасьевич, не нужно отрицать свое предательство! Все ваши друзья: Уборевич, Тухачевский, Блюхер, Якир, давно во всем признались! Не заставляйте нас применять, в отношении вас, особые методы принуждения... Это ужасно больно! Что же вы молчите? Здесь на Лубянке работают настоящие мастера своего дела: они могут заставить заговорить любого человека!

Голос начальника показался генералу знакомым. Он напряг память, стараясь угадать, кому он принадлежит.

«Кто это? Где я слышал этот тихий проникновенный голос? Неужели, сам Берия?! – думал Мерецков. – Если это так, то шансов вырваться из застенков, у меня практически нет. Интересно, знает ли о моем аресте Сталин?»

– Скажите, Кирилл Афанасьевич, – снова обратился к нему незнакомец, – что плохого сделала вам наша партия, интересы которой вы предали?

«Берия, это точно Берия! Его голос!» – окончательно решил генерал.

– Я никого никогда не предавал, ни Родину, ни партию! Вы можете меня забить, но я никогда не признаю то, в чем вы пытаетесь меня убедить! Я – не предатель и никогда им не был! Все, что я делал в этой жизни, направлено на укрепление Красной Армии.

– Вот на этом пока и остановимся, – произнес мужчина. – Прикажите отвести арестованного в камеру.

В помещение вошел конвоир. Мерецков повернулся и вышел из кабинета.

***

Допрос шел без перерыва уже вторые сутки. В голове Мерецкова все перепуталось: он уже не понимал, о чем его спрашивают. И когда он не отвечал на поставленный вопрос, следовал удар. Вот и сейчас, после сильного удара, он отлетел в дальний конец кабинета и потерял сознание.

– Приведи его в чувство, – усталым голосом произнес следователь.

Боец, внешне похожий на мясника, вылил на голову Мерецкова ведро холодной воды. Генерал открыл глаза и отрешенно посмотрел на следователя.

– Зачем же вы молчите, Кирилл Афанасьевич? Я же вас предупреждал, что буду вынужден принять меры, чтобы развязать вам язык. Не думайте, что я – маньяк и

мучения людей приносят мне наслаждение. Мне по-человечески жаль вас.

Он отдал команду, и сильные руки конвоиров оторвали Мерецкова от пола и снова усадили на табурет. Перед глазами генерала плыли круги, он плохо понимал, о чем его спрашивал следователь.

– Скажите, кто еще входил в состав вашей группы? Как долго вы осуществляли свою подрывную работу?

– Я уже устал вам повторять, гражданин следователь, что не понимаю, о чем вы спрашиваете. Я не знаю никакой группы. Я всегда служил партии и народу!

Сильный удар в челюсть буквально смел Мерецкова с табурета, как сносит порыв шквального ветра легкую пушинку. Генерал охнул, отлетел метра на два и, ударившись головой об угол, потерял сознание. Пока Мерецкова отливали холодной водой, следователь снял трубку и начал звонить своему начальнику.

– Товарищ капитан, арестованный продолжает молчать. Разрешите применить метод интенсивного силового допроса.

Получив согласие, он снова приказал посадить арестованного на табурет. Табурет, на который в этот раз посадили Мерецкова, был довольно высок, и босые ноги генерала не доставали до мокрого пола кабинета.

– Скажите, генерал, что вам поручал враг народа Уборевич? Какие его приказы, по ослаблению Красной Армии, вы выполняли? Почему вы молчите? Неужели надеетесь выйти живым отсюда?

Мерецкова засыпали вопросами. На некоторые он отвечал, другие оставлял без ответа. Пока все обходилось без рукоприкладства. Наконец, следователь устало вздохнул, поднялся из-за стола и вышел из кабинета. Не успела закрыться дверь, как в кабинет вошел новый следователь; и снова поток вопросов посыпался на генерала Мерецкова. В какой-то момент ему показалось, что он медленно сходит с ума, ведь на все эти вопросы он уже многократно отвечал. У него начали затекать ноги, и Кирилл Афанасьевич попытался поменять положение на табурете, вернее, коснуться ногами пола.

– Кто еще входил в состав вашей группы? Это правда, что вы готовили покушение на товарища Сталина?!

Мерецков молчал. От яркого света, бившего в глаза, у него закружилась голова, и он медленно сполз с табурета. Полведра холодной воды и его снова усадили на табурет. Ноги генерала совершенно одеревенели. Он попытался встать на пол, но его снова подхватили «заботливые» руки конвоиров.

– Который сейчас час? – спросил он следователя. – Отведите меня в камеру: я больше не в силах сидеть на вашем табурете.

Последние слова вызвали у следователя усмешку:

– А кому сейчас легко, гражданин Мерецков? Если вы хотите вернуться в камеру, ответьте, когда и при каких обстоятельствах вступили в связь с немецкой разведкой?

Генерал молчал, понимая, что его ответы не интересуют следователей. Сильная боль в затекших ногах буквально парализовала мозг.

– Подпишите эти бумаги, и ваши мучения кончатся! – глухо доносился до него голос следователя.

– Я – не предатель, – прошептал Мерецков. – Я – не предатель, не предатель....

Лицо следователя скривила злая улыбка.

– Кирилл Афанасьевич, вы умный человек и должны понять, что здесь подписывали подобные признания многие ваши товарищи: Якир, Уборевич, Блюхер, Тухачевский...

– Я не подпишу! Умру, но не подпишу...

Лицо следователя вдруг поплыло перед глазами и моментально слилось со стенами кабинета: Мерецков повалился с табурета, вновь потеряв сознание.

***

Что-то щелкнуло в шейных позвонках Смирнова, и жуткая боль, на мгновение, пронзила тело...

- Вот и все, - тихо произнес мужчина с белой окладистой бородой. - Сегодня еще немного поболит, зато завтра, сынок, будешь как новенький. А, сейчас, полежи немного, отдохни.

- Спасибо, отец, - поблагодарил Николай и посмотрел в сторону сержанта Вавилова, который наблюдал за манипуляциями деда. - Ходить-то смогу?

- Думаю, сможешь: не таких больных, как ты, на ноги поднимал! Ну, я пошел, мне еще скотину накормить нужно.

Старик вышел из дома, а Смирнов рукой подозвал к себе Вавилова и попросил помочь ему встать на ноги. Сержант подсобил подняться с широкой лавки. Перед глазами Николая медленно проплыла нехитрая мебель, стоявшая в горнице старика: сначала в одну, затем в другую сторону, и вдруг замерла на месте.

- Ну, как, товарищ лейтенант? - поинтересовался Вавилов. - Стоять-то сможете?

- Попробую, - неуверенно ответил Смирнов. - Отпусти меня.

Вчера вечером они наткнулись на немецкий разъезд. В том скоротечном бою были убиты трое бойцов из его группы, а пять человек бесследно пропали, по всей вероятности, сдались гитлеровцам. Сейчас в группе оставалось всего одиннадцать человек, двое из которых были ранены.

Смирнов сделал шаг. Этот шаг дался ему с большим трудом. Сейчас он походил на младенца, делавшего первые неуверенные шаги в своей жизни. Николая мотнуло в сторону; и если бы не сильные руки Вавилова, то он бы непременно упал.

- Держитесь, товарищ лейтенант, - произнес сержант. - Нам с вами еще топать и топать!

- Ты прав, Вавилов. Помоги мне сесть: ноги почему-то дрожат, как бы, не упасть!

Вавилов помог Смирнову сесть за стол, на котором стоял чугунок с еще не остывшей картошкой.

- Поешьте, товарищ лейтенант, пока картошка теплая. В кринке молоко, а я пойду, посмотрю, как там бойцы.

Николай взял в руки картофелину и начал ее чистить. В этот момент в горницу вошел дед. Увидев сидящего за столом офицера, он улыбнулся.

- Видишь, сынок, ты и поднялся на ноги. Значит, все будет хорошо, а то могло и парализовать от такой травмы. Видно, в рубашке родился!

Старик сел за стол и протянул ему кисет с табаком.

- Кури, - коротко предложил он. - Табачок у меня крепкий, душистый.

Николай свернул сигарку и закурил. Табачок и в самом деле был знатным.

- Скажи, дед, до дороги далеко? - спросил Смирнов.

- Верст десять будет, - ответил старик, присаживаясь рядом. - Но идти туда не стоит, там немцы, который день едут и едут!

- А что посоветуешь?

Старик задумался.

- Если хотите, я вам покажу другую дорогу. О ней сейчас мало кто знает. Ее еще до первой мировой выстроили, а затем почему-то забросили. Старая дорога, верст на сорок короче нового тракта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/avvakumov_aleksandr/v-teni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)